

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**СОВРЕМЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ**

25 февраля 2016 г.

Нижний Новгород
www.scipro.ru

УДК 796.01
ББК 87

С 56

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Современные ориентации общества и культуры: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 25 февраля 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 55 с.

ISBN: 978-5-00-005580-2

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемные вопросы по всем направлениям философских наук научных сотрудников России и зарубежных стран по материалам научно-практической конференции «Современные ориентации общества и культуры» (25 февраля 2016 г.)

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте <http://www.scipro.ru>.

УДК 796.01
ББК 87

ISBN: 978-5-00-005580-2

Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016

Коллектив авторов, 2016

Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ Философский смысл в современной культуре

Климова Екатерина Александровна МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ	4
Понизовкина Ирина Федоровна ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БУДУЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК СПОСОБ ГАРМОНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	8
Тураева Алина Дмитриевна МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ	14

СЕКЦИЯ Философская рефлексия и культурологический анализ

Димитричева Ольга Ивановна СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ	18
Ивлева Марина Ивановна ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ: «ЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» А. ТРЕНДЕЛЕНБУРГА	23
Малахова Елена Владимировна ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЕТОДАХ И ЦЕЛЯХ	27
Смирнов Сергей Владимирович НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ МИФА К ФИЛОСОФИИ	29

СЕКЦИЯ Культура как категория философского анализа

Нестеров Андрей Иванович ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ МЕЩАНСТВО И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРНОСТЬ	34
Пенионжек Евгения Владимировна К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОМ АНАЛИЗЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ	38

СЕКЦИЯ Анализ и особенности современного культурного процесса

Баркова Элеонора Владиленовна ФЕНОМЕН КЛАССИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОКУЛЬТУРЫ	42
Бузская Ольга Маратовна ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИИ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЙ.....	47

СЕКЦИЯ Кинокультура и визуальная культура

Дзюба Дарья Николаевна АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ» В АСПЕКТЕ ДЕЯТЕЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ И НОРМАТИВНОСТИ	50
---	----

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ

Климова Екатерина Александровна

Орловский государственный институт экономики и торговли
ekaterina.climova2014@yandex.ru

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF FREEDOM

Klimova Ekaterina Aleksandrovna

Orel state Institute of economy and trade

Аннотация

В статье автор размышляет о феномене свободы, при этом даются различные представления о понятии свободы, исторический экскурс, предложенный автором, показывает определенный интерес к данному вопросу в разные периоды времени. Особое внимание уделяется рассмотрению основных типов мировоззрений, с ними соотнесены основные подходы в понимании свободы.

Ключевые слова: свобода, мировоззрение, Бог, душа, религия

Abstract

In the article the author reflects on the phenomenon of freedom, given different views about the concept of freedom, historical excursus, the author shows a particular interest in the matter in different time periods. Special attention is paid to consideration of the main types of worldviews, with them assigned to the main approaches in the understanding of freedom.

Key words: freedom, philosophy, God, soul, religion

Философская литература вновь и вновь поднимает вопрос о свободе. Он обсуждается в связи с политической и экономической деятельностью, нравственным и моральным совершенствованием, формированием эстетического вкуса и религиозного сознания. Проблема свободы регулируется на всех стадиях общественной жизнедеятельности: в жизни отдельного человека, в личной жизни и социальной группе общества в целом. В жизни любого человека неоднократно происходит разногласие между его ценностями, интересами, желаниями, возникают расхождения между возможностями и потребностями из сомнения, удовлетворения и переживания в выборе правильного поведения. Все это вынуждает задуматься о человеческой свободе воли.

Все человечество сейчас волнует проблема свободы. Современное сообщество живет в эпоху глобализации. Широкомасштабные процессы открывают безмерные возможности роста научно-технического и экономического прогресса, углубление и расширение общения между различными народами и нациями, росту демократии, передачи духовных ценностей и информации друг другу. С другой стороны, глобализация подвергает народ большим разрушениям, так как происходит стихийно, без нацеливания к духовным основам, без абсолютной морально-нравственной оценки.

В связи с этим возникает проблема свободы: имеет ли отношение человеческая воля к творчеству глобальных процессов или же все участие человека целиком является только полем игры внешних сил, чуждых ему. [2]

Прежде всего, свобода измеряется мировоззрением, то есть всеобщим взглядом на мир, на отношение к миру, на место человека в нем. Но представитель современной культуры может не согласиться и сказать, что свободной деятельностью руководят конкретные

индивидуальные знания (эмпирические, технологические, теоретические). Свободная деятельность человека напрямую зависит от количества этих самых знаний. Но с этим высказыванием нельзя целиком и полностью согласиться.

Представим себе отдельного человека, или общество, которое в полной мере владеет специальными знаниями, обязательными для научно-технического прогресса. Можно ли тогда гарантировать успешное развитие человека и общества? Скорее всего, нет. Вместе с тем высокий прорыв в науке может уничтожить мир, привести общество к термоядерной или экологической катастрофе. Поэтому, главный вопрос, найти ответ на который мы должны, это вопрос: "Для чего применяются знания и техника?" Человек и общество могут спокойно осуществлять свободную деятельность только тогда, когда способны правильно ответить на этот сложный стратегический вопрос. Тем не менее, ответы могут быть совершенно разные. Люди могут по-разному смотреть на мир, на человека, могут по-разному относиться к нему, к другому человеку, к обществу в целом. [1]

Для того, чтобы описать, что такое свобода, прежде всего, необходимо определить, какие типы мировоззрений бывают.

На протяжении всей истории философии хорошо прослеживаются две метафизические крайности в решении проблемы свободы. С одной стороны выступает детерминизм. Согласно ему, в мире всё обусловлено и подчиняется конкретным законам. Человеческая воля – одно из главных звеньев в сложной цепи мировой причинности - неспособна что-либо изменить. С другой стороны, волюнтаризм и субъективизм, с позиции которых человеческая воля в праве нарушать цепь причинности, и активность субъекта всё решает в мире. Считается, что человек абсолютно свободен.

Эти две противоречивые точки зрения не в состоянии решить проблему свободы, так как не пытаются найти точки соприкосновения и рассматривают ее только лишь в рамках своих философских систем.

Глобально проблему свободы рассматривает С. А. Левицкий - русский философ второй половины XX столетия. В одной из своих работ «Трагедия свободы» он представляет три слоя проблемы: проблема свободы действия, свободы хотения и свободы выбора, в которых и заключается ядро вопроса. Первая проблема чаще всего решается в пределах материалистической философии. Свобода рассматривается здесь как недостаток внешних преград совершения практического действия. Так сказать, это еще не сама проблема, а ее техническая сторона. Очень часто материалисты смешивают техническую сторону со свободой воли. Их точка зрения выражается в следующем: человек свободен только лишь в определенном отношении, а не вообще, он стремится к независимости от определенной необходимости, используя знания и другие зависимости, и при этом чувствует себя абсолютно свободным. В этом случае, свобода есть осознанная необходимость. Вот наиболее краткое определение, данное Ф. Энгельсом - классиком марксистской философии. Да, человек может чувствовать свободу, понимая определенную необходимость, но при этом не быть свободным. Невзирая на относительность нашей зависимости от объективных условий, совершенно разумно отстаивать точку зрения, в соответствии с которой, деятельность человека полностью зависит от единого мирового процесса.

Сущность проблемы не затрагивается проблемой свободы действия. Как отмечает С. А. Левицкий, более сложной проблемой является свобода выбора. Здесь речь идет не о границе практических возможностей, а о внутреннем состоянии человека, о его желаниях или нежеланиях осуществлять конкретную деятельность. Однако сторонники психологической детерминации могут выразить несогласие: перебазирование проблемы свободы действия в эзотерический план свободы выбора не меняет сущность вопроса, потому что душевное психическое состояние человека также детерминировано и свобода выбора может лишь объединяться с борьбой мотивов, в которой всегда побеждает сильнейший мотив. Совершенно верно, если анализировать проблему свободы выбора лишь в рамках психологии, то её никогда не решить.

Следует оценить деятельность человека в целом, выйти за рамки психики и

проанализировать проблему с точки зрения философии. Вопрос об отношении субъекта к объекту является одним из главных вопросов в философии. Субъект обладает талантом выбирать, мыслится свободным. Выбор всегда предусматривает свободу. Следом возникает вопрос, какова моральная граница свободного выбора. В состоянии ли человек использовать все возможности такого выбора. Основная категория свободы - скрытая реальная возможность. «Абсолютная свобода есть возможность всего. Но она присуща только Богу Творцу. Своеобразное бытие притеснено кругом своих личных возможностей. Логично, что из хаоса можно получить бесконечное множество космосов, что из жёлудя может вырасти только дуб, а не береза, и тем более не животное». Но мир человеческих возможностей так широк, что предоставляет большое количество простора для свободы выбора. Порой мы томимся необходимостью выбора и нередко выбираем худшие возможности, а не лучшие, совершая при этом реорганизацию психической установки (в данном случае морально-отрицательного характера). «При подобной перемене преступник иногда оказывается почти святым или наоборот, в моральной сущности, под давлением известных обстоятельств человек превращается в настоящего энкеведиста». Тогда происходит процесс, который вправе можно назвать творчеством.

Тем не менее, необходимо установить, является ли субъект на каждом уровне (социальной группы, отдельного человека, общества в целом) формированием самого себя? Разумеется, нет, так как в таком случае он был бы всемогущим Богом, он был бы абсолютным с большой буквы. Человек не может быть самим собой. Основанием его самого, основанием его свободы, уникальности и неповторимости человека является абсолютно Универсальное и Священное. «Бог сотворил человека свободным». «Бог свободно ограничил свое всемогущество, ибо он захотел сотворить свободу, а над свободой нельзя быть полновластным, не убив свободу. Ибо Бог захотел, чтобы свобода свободно признала Его власть, но не в порядке поражения в борьбе с Богом, а в порядке усмотрения Его абсолютного превосходства по ценности». [3]

С. А. Левицкий считает, что только так можно решить проблему неравенства свободы воли человека и Божественного всемогущества. Бог наградил независимое человеческое творение способностью модернизировать мир, творить чудеса в нем и в самом себе.

Необходимо заново вернуться к вопросу о мировоззрении и отметить, что имеются различные человеческие отношения к миру. Три типа мировоззрения выделил российский философ В. Н. Сагатовский: насилие над миром, уход от мира, гармония человека и мира. Так в каком же из этих трех типов на самом деле проявляется истинная свобода? Рассмотрим каждый тип мировоззрения по порядку.

Насилие над миром - эта мировоззренческая позиция свойственна для общества с индустриальной культурой. Такое общество расценивает мир как большую емкость энергии с обществом, из которого можно, используя технику и орудия труда, заимствовать природные богатства. Здесь мир выступает средством удовлетворения увеличивающихся потребностей человека. Более значительным в индустриальной культуре является человек, а не мир: «Всё во благо человека, всё во имя человека». Из мира исчезают дух свободы, собственное духовное начало, дух творчества.

Своеобразным качеством мировоззрения выступает дух борьбы за интересы нации, личности, класса, состязания, стремление быть умнее, лучше, сильнее, неустанно завоевывать всё более высокие позиции. Что же важнее для людей: единство или борьба, "правда отношений" или "борьба интересов"? В этом и заключается суть вопроса. Очевидно же, что ответ здесь один. Разумеется, люди стремятся к единству и гармонии друг с другом и с миром. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что мировоззрение насилия предусматривает свободу действия, т. е. прохождение внешних препятствий для осуществления каких-либо действий. Это всего-навсего техническая сторона свободы, но еще не подлинная свобода. К сожалению, внешнее выражение свободы преобразуется в безудержное потребительство, в тоталитарный коллективизм и крайний индивидуализм, делает человека жертвой научно-технического прогресса и рабом. Как объективно и верно

отмечает русский философ Б. П. Вышеславцев, человек, построив индустриальную культуру, сам угодил «в огромную тюрьму, в огромную фабрику». В нынешнюю современную эпоху глобализации следует осознать опасность погони общества за материальными благами, в которой оно забывает, что есть более значимые духовные ценности. Такая агрессивная ценностная ориентация доминирует сейчас в сознании многих людей. Людям все же необходимо попытаться ответить на главные мировоззренческие вопросы: зачем и для чего человеку необходимо трудиться, общаться, в чём смысл его жизни? Ответив на все эти вопросы, можно будет приобрести подлинную свободу.

Далее рассмотрим второй тип мировоззрения – уход от мира, слияние с миром. Может ли это мировоззрение выступать основанием подлинной свободы. Уход от мира можно рассматривать как реакцию на насилие, власти над миром. Определенные формы этого мировоззрения вдобавок очень разнообразны. Прежде всего необходимо обратить внимание на религиозное мировоззрение. Оно обычно проявляется как в отдельных сектантских религиозных организациях, так и в мировых религиях. Например, некоторые верующие в Христианстве, стремятся к спасению своей души, отказываются от утверждения себя в этом проходящем телесном мире и целиком и полностью отдают себя на волю Бога. Наверяд ли можно таких людей считать свободными. В принципе, надо отметить, что даже, среди богословов нет пока еще ясного и точного ответа на вопрос о взаимоотношении свободы воли человека и божественного всемогущества. Найти противоречивые изречения можно в самой библии. В ней говорится, что Бог создал человека по образу и подобию своему, а значит, человек сотворен свободным. И в тоже время можно найти изречение о полной зависимости человека от воли Божьей: "Знайте, что все волосы на голове у нас сочтены", ни волоса не упадет без воли Отца нашего и т. д. Такое отрицание свободы сверху также уничтожает её как и обычное отрицание свободы «снизу» - ссылками на всемирный закон причинности.

В следствии чего возникает такое мировоззрение? Скорее всего по причине беспомощности человека перед стихийными силами природы, собственной психики и общества. Когда человек сталкивается с проблемой стихийных бедствий, смерти, с тем, что существует богатство и бедность, несправедливость и жестокость, и не в силах им препятствовать, то как-то пытается объяснить это и оправдать себя. Объясняя, он прибегает к аналогии. Вульгарное религиозное мировоззрение спасительно. Человек создает объекты, следовательно, мир так же создается существом более могущественным. Когда верующий человек сталкивается с отрицательными проявлениями в социальной группе, обществе, когда у него большое горе, например, умирает близкий человек, ему легче думать, что всё это угодно Богу. Человека это утешает. Вера во всемогущественного и всеильного существа, обладающего абсолютной властью, является спасительной не только для угнетенного и униженного, но выгодна еще и тем, что имеет огромную власть над теми, кто осуществляет насилие. Они мыслят так: раз всё подвластно Богу, значит, не надо ничего изменять и необходимо со всем смириться. Как уже говорилось ранее, человек бессилен не только перед стихийными силами природы и общества, но и оказывается рабом своих страстей и не в состоянии контролировать свои действия, поэтому вынужден прибегать за помощью к Богу.

В других религиях также проявляется уход от мира. В Буддизме, например, буддист, отказавшись от всех своих желаний, пытается вырваться из цепи перерождений, избежать страданий и слиться с мировым духом. Для него его тело и природа всего-навсего внешняя оболочка, которая скрывает подлинную духовную сущность мира, источник греховности и суетности – средство, помогающее избежать мирской суеты. В отличие от невежественного, слабого христианина, человек в Буддизме свободу сохраняет. В то же время, его свобода как бы парализована. Необходимо отметить, что это признание свободы намного глубже и последовательнее чем исламское и христианское, что все подвластно Богу или же все признано существованием сплошной железной необходимости.

Только лишь в рамках мировоззрения гармонии человека и мира возможна подлинная свобода. Свобода творчества - главная подлинная свобода. Но что же является главным

творчеством: экономическое, научно-техническое, политическое или какое иное творчество? С нашей точки зрения, целостное и гармоническое сочетание мира и человека и является главным творчеством. Мирные человеческие отношения могут быть как субъектно-субъектными, так и субъектно-объектными. В субъектно-субъектных отношениях нет подчинения и господства, а существует целостное единство и гармония. В субъектно-объектных отношениях, наоборот же, свобода сжата объективными законами, целевой и причинной детерминацией. В данном случае свобода сводится только к реализации практического потенциала и вполне правомерно можно здесь утверждать, что объективная мировая детерминация господствует над субъектом. В мирных человеческих отношениях субъектом может выступать не только человек, но и сам мир. Мир в таком случае самоценен, в нем происходят процессы саморазвития и самосохранения. Мир представляет собой не только некую систему, в которой все взаимообусловлено, также в мире имеется некое единство - некая духовная основа. Этой духовной субстанцией выступает Абсолют, Бог. Это совершенно реальные характеристики мира. [3]

В различных религиозных учениях природу и сущность абсолютного, Божественного понимают по разному. Всё это объясняется особенностью мышления и образа жизни верующих людей. Но в каждом случае Бог расценивается как духовная реальность, обладающая творчеством и свободой. Свобода творчества как творчество свободы. Бог сотворил человека свободным. В то же время, Бог ограничил свою свободу, для того чтобы человек свободно осознал божественное всемогущество, но не в плане подчинения, а для того, чтобы у человека были не ежеминутные желания, а что-то более возвышенное, духовное. Человеческая свобода заключается не только в удовлетворении растущих потребностей и преодолении внешних границ практических возможностей. Свобода человеку необходима, чтобы творить и мечтать, т. е. жить спокойной внутренней духовной жизнью, отражая в своем сознании всю человеческую культуру и весь мир. В этом смысле древние мудрецы называли человека микрокосмом. Свобода порождается неповторимостью и уникальностью человека, универсальностью мира.

Библиографический список

1. Гудинг Д. Мировоззрение: для чего мы живём и каково наше место в мире? [Текст]/ Д. Гудинг, Д. Леннокс, пер. с англ., под ред. Т.В. Бангуновой. – Ярославль: НОРД, 2013 г. – 384 с.
2. Мамзина Т.А. Свобода и ответственность личности. Проблема свободы и ответственности человека [Электронный ресурс]/ Т.А. Мамзина // Свобода и ответственность личности. Проблема свободы и ответственности человека <http://fb.ru/article/163017/svoboda-i-otvetstvennost-lichnosti-problema-svobody-i-otvetstvennosti-cheloveka>
3. Эриашвили Н.Д. Основы религиоведения: учебное пособие / Н.Д. Эриашвили, В.П. Павловский. – М.: Юлити-Дана, 2011 г. – 240 с.
4. Киселева Н.А. К вопросу о соотношении духовности и любви в культуре современной России // Актуальные проблемы современной науки: материалы VII Международной научно-практической конференции. Ноябрь 2011. – Болгария, г. София: ООД «БялГРАД-БГ», 2011. – С. 45-48.

УДК 172.12

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БУДУЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК СПОСОБ ГАРМОНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Понизовкина Ирина Федоровна
ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва
irina-ponizovkin@mail.ru

THE FORMATION OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF FUTURE ENTREPRENEURS AS A WAY OF HARMONIZATION OF SOCIAL RELATIONS

Ponizovkina Irina Fedorovna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы формирования социальной ответственности у будущих предпринимателей. Особое внимание уделяется истории возникновения идеи социальной ответственности бизнеса и ее значению в современных условиях развития экономики и культуры.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, рыночная экономика, экономическое мышление, предпринимательство, социальное партнерство, устойчивое развитие.

Abstract

The article deals actual problems of formation of social responsibility among future entrepreneurs. Particular attention is paid to the history of the idea of social responsibility of business and its value in modern conditions of development of economy and culture.

Keywords: the social responsibility of business, market economy, economic thinking, entrepreneurship, social partnership, sustainable development.

Культура современного экономического мышления весьма прагматична и узкоутилитарна. Хочется начать разговор об этой важной и неоднозначной проблеме с весьма показательного примера. На одном из центральных российских каналов была анонсирована информационно-аналитическая передача, посвященная движению антиглобалистов. Были приглашены известные представители из сферы экономики, политики, общественности, заинтересованные в разговоре на эту тему. Диалог был интересным и все больше приобретал философский характер, настолько широко и всесторонне рассматривались проблемы цивилизации, связанные с неоднозначными последствиями глобализации. Антиглобалисты напомнили о том, что 4/5 человечества кормят 1/5, став ее сырьевым придатком, и экономически обречены на такое незавидное положение. Многие страны (например, африканские), несмотря на то, что у них имеются все необходимые ресурсы, находясь под политико-экономическим контролем развитых стран, вынуждены вечно прозябать в нищете. Глобализация лишь увеличивает пропасть между этими двумя мирами. Ее процессы на сегодняшний день ведут к диспропорциональному состоянию в развитии народов и человечества, что грозит новыми конфликтами и войнами, самому существованию человечества. Разговор с экономических тем плавно и органично перешел к рассмотрению этических проблем - справедливости и несправедливости, царящей пока в мире, о социальной ответственности и тупике, в который может загнать себя человечество. Обнадеживали философско-этический подход к экономическим проблемам, призывы к богатым подняться над меркантильными сиюминутными интересами и действовать в интересах всего человеческого сообщества, проявляя совестливое отношение к окружающей действительности.

Разочарование наступило, когда слово предоставили представителям бизнеса, которые откровенно признались, что не поняли, о чем идет речь. Если их призывают с кем-либо делиться, то не для этого они зарабатывали свои кровные, ведь цель любого бизнеса – прибыль и ничто иное. А «чужие» проблемы их не касаются, своих хватает. Несмотря на все усилия ведущего перевести разговор с узко экономических подходов времен дикого капитализма на актуальные гуманитарные проблемы, диалог зашел в тупик.

Как часто приходится испытывать такое разочарование и тревогу за будущее, когда довольно известных бизнесменов и экономистов приглашают к разговору о назревших

глобальных проблемах. Многие из них оказываются совершенно не вписанными в определенный культурно-исторический контекст своего времени, его духовно-социальных проблем, общечеловеческих ценностей и не могут взглянуть широко, взаимосвязанно на экономические проблемы (в том числе и свои), осмыслить их через культурно-этические категории ответственности.

Сегодня утилитарно настроенное общество через СМИ призывает людей, прежде всего молодежь, жить сегодняшним днем, добиваться быстрых результатов, действовать, в том числе и в экономической сфере, в «зоне доступности». Достигнув успеха и быстро разбогатев, многие не успели понять, для чего и зачем, не смогли пройти духовно-нравственное испытание богатством. Это становится определенной проблемой для развития нашего вступившего в рыночные отношения общества [3].

Формировать у будущих экономистов и предпринимателей чувство социальной ответственности и солидарности необходимо со студенческой скамьи. Но духовная атмосфера, царящее в обществе рыночных отношений, вовсе не способствует этому. Вызывают тревогу следующий факт. Ни один студент нескольких учебных групп экономического вуза на вопрос: Чем вы руководствуетесь в своей деятельности, при совершении того или иного поступка? - не ответил «моральными нормами», «долгом» или «совестью». Молодежь сегодня ориентирована прагматически. Самые распространенные ответы - «выгодой», «успехом», «результатом», «своими интересами», «потребностями» [10]. Это говорит о том, что будущие бизнесмены и экономисты стремятся учитывать только свои интересы при принятии решений, не соизмеряя их с интересами других людей, окружающего мира в целом.

Против такого подхода к экономике в свое время выступал Г. Форд. В своей книге «Моя жизнь, мои достижения» он раскрывает секреты своего успеха. Он уверен, что достижениями в бизнесе он обязан определенным духовным ориентирам. Личность, по его словам, должна выработать в себе определенную философию отношения к действительности, если видит себя преуспевающей в современном обществе. Один из своих профессиональных принципов он выразил следующим образом: «Работу на общую пользу ставь выше выгоды. Доходность должна получиться в итоге полезной работы, а не лежать в ее основании» [12]. Он призывал видеть за производством иные горизонты, иметь в виду и учитывать в перспективе всю картину развития человеческого сообщества, его особенности и интересы.

В западных странах и США бизнес прошел долгий и тернистый путь к пониманию идей социальной ответственности. В к.19-н.20 в.в. среди производителей преобладала знакомая и близкая многим нашим российским предпринимателям точка зрения: у бизнеса есть одна главная цель и обязанность – приносить прибыль. Железнодорожный американский магнат У.Вандербилд в 1918 году выразил это всеобщее мнение в следующей красноречивой фразе: «К черту народ! Я работаю на акционеров». Для потребителей и самих работников это были не лучшие времена. Не было в то время в США ни потребительских обществ, ни государственных учреждений, защищающих права и здоровье потребителей. Потребители могли лишь опираться на призыв-лозунг «Caveat emptor!» - «Покупатель, будь начеку!».

Однако некоторые американские исследователи (например, Э.Лейтон-мл.) относят именно к этому периоду зарождение ростков социальной ответственности в среде американских инженеров, видевших в демонстрации «большого чувства социальной ответственности» средство для повышения престижа своей профессии.

За создание новой атмосферы и формирование в обществе новых ценностей по защите прав потребителей и ответственности предпринимателей в Соединенных Штатах первыми взялись журналисты и литераторы, отличавшиеся мужеством и настойчивостью, - «разгребатели грязи». Именно такое название получили они в дальнейшем в американском обществе. Во многом благодаря их усилиям было принято несколько законов, ограничивающих власть монополий и устанавливающих нормы безопасности для пищевых продуктов и медикаментов. Некоторые промышленные магнаты в этот период стали

заниматься филантропией. Например, Э. Карнеги, пионер сталелитейной промышленности, давал деньги на создание публичных библиотек в провинциях. Однако зародившаяся в этот период концепция «служения», провозглашавшая иные цели и иную деятельность помимо «делания денег», оказалась недолговечной.

Несмотря на эти изменения, бизнесмены продолжали ставить прибыль превыше всего вплоть до Великой депрессии. Лишь когда в 1929 году экономическая система потерпела крах, народ освободился, по мнению американских исследователей, от слепого преклонения перед бизнесом. В условиях, когда уровень безработицы достиг 25% от общей численности рабочей силы, люди потеряли веру в закон «невидимой руки» рынка, управляющей капитализмом, и призвали правительство навести порядок [11, с. 137].

По настоянию президента Ф. Рузвельта Конгресс принял законы о защите рабочих, потребителей и инвесторов. Была создана система социального обеспечения; все работающие получили право объединяться в профсоюзы и заключать коллективные договоры; были введены минимальная заработная плата и ограничения на продолжительность рабочей недели, было принято законодательство против использования нечестных методов в конкурентной борьбе и против недобросовестной рекламы; для защиты инвесторов была образована Комиссия по ценным бумагам и биржам.

Когда депрессия подошла к концу, а потом началась вторая мировая война, отношение к бизнесу изменилось. Именно в это период были заложены основы концепции «социальной ответственности». Современный теоретический подход к социальной ответственности корпораций был изложен в опубликованной в 1953 году книге американского экономиста Г.Боуэна «Социальная ответственность бизнесмена». В целом в 50-е годы взаимоотношения между бизнесом, правительством и обществом были сравнительно спокойными.

Но в 60-е годы ситуация изменилась, поскольку выявились проблемы, касающиеся всего общества и зависящие во многом от характера ведения дел в бизнесе. Это - защита окружающей среды, национальная оборона, защита интересов потребителей и борьба за гражданские права. Общественная активность и гражданские движения, заинтересованные в решении этих проблем резко изменили характер хозяйственной деятельности в Соединенных Штатах. Так, многие компании, считающие себя ответственными перед обществом, охотно ввели изменения; другие были вынуждены это сделать по распоряжению правительства; а третьи — под ощутимым давлением некоторых групп и объединений граждан.

По мнению американских исследователей, несмотря на усилия различных общественных групп, люди в 90-ые все еще не слишком доверяли современному бизнесу. Приблизительно два человека из трех считали, что бизнес не обеспечивает достаточных гарантий занятости для работников, недостаточно помогает обществу, неудовлетворительно участвует в поддержании чистоты окружающей среды, не всегда придерживается добросовестных принципов ценообразования, нередко действует без учета этических норм [1, с. 235.].

Также руководители западных фирм в к. 20 века все еще были подвержены сомнениям насчет социальной ответственности и этической атмосферы, царящей в деловом мире: восемь из десяти менеджеров высшего звена считали, что бизнесмены так или иначе преступают моральные нормы в своей деловой практике, и примерно один из четырех полагал, что соблюдение таких норм и «принципов ответственности» препятствует прибыльности и успешной карьере [2, с.61—70].

В целом же в современной американской практике обращается внимание не только (и не столько) на создание нравственной атмосферы всеобщей бизнес-ответственности, но, прежде всего, внедряется деловой подход к решению этого вопроса. Так, каждая фирма рассматривается как один из взаимодействующих со всеми остальными элементов системы, состоящей из различных долевыми участниками – менеджеров, совладельцев, служащих, потребителей и общества в целом. Перед каждым из них фирма несет ответственность, и если руководство фирмы постоянно попирает интересы одного из этих участников, она в конечном счете перестает существовать. Работники, чьи интересы и нужды не

удовлетворяются, найдут другую работу или будут выполнять свои обязанности из рук вон плохо. Потребители, чьи вкусы и желания не учитываются, потратят деньги на другие товары. А если компания не считается с интересами общества, избиратели прибегнут к законам, призванным ограничить наносящую им ущерб хозяйственную деятельность. Таким образом, бизнесу приходится откликаться на требования «долевых участников». Подобный подход распространен в Западной Европе и Японии. Иногда его называют "концепцией заинтересованных сторон", подразумевая, что задача руководства - поиск оптимального баланса в ответ на разнообразные нужды групп, представляющих различные интересы, а также групп клиентов, на которые влияют решения бизнес-руководства. Конечно, такая система социальной ответственности возможна при условии развитого гражданского и правового общества.

В России еще предстоит формировать соответствующую культурную атмосферу деловой социальной ответственности и понимания не просто желательности, а прямой необходимости такого подхода. Сегодняшняя общественная система находится в крайне неустойчивом состоянии, при котором даже бесконечно малые отклонения могут вызвать ответную неадекватно бурную, лавинообразную или цепную реакцию, последствия которой (особенно социально-гуманитарные) трудно предсказать. И они могут оказаться катастрофическими. Игнорирование общих интересов общества, просчеты и безответственность людей, руководителей бизнеса в угоду сиюминутной выгоде приобретают в такой ситуации все более широкий, а в конечном счете, планетарный характер. В условиях сложных и неопределенных динамических систем многократно возрастает моральная ответственность активных субъектов экономики за свои действия и их социально-экономические последствия - не только ближайшие, но и отдаленные. От предпринимателя требуется учитывать многообразные интересы и взаимозависимости окружающей социоприродной среды, от которых зависит он сам и его дело [6].

Однако сегодня в процессе глобализации при принятии решений по-прежнему во главу угла ставится экономическая эффективность, а не гармонизация отношений в различных системах – «Человек- Природа», «Этнос-Этнос», «Человек-Техника», «Государство-Государство» и т.д. Высшие учебные заведения должны учитывать при реализации своих программ, что человеческое сообщество (а тем более российское общество) сегодня крайне нуждается не только в профессионально компетентной, активной, творческой личности, принимающей самостоятельные решения, но также способной нести социальную ответственность и налаживать бесконфликтные социальные отношения с окружающим миром [4, 5].

Бизнес - важнейший социальный институт, который, по мнению многих специалистов (например, У.Хартмана) за последние полвека стал наиболее сильным институтом на планете. Институт, доминирующий в любом обществе, должен принимать на себя ответственность за все общество в целом. К сожалению, в российских экономико-предпринимательских кругах часто не вникают в значение и суть словосочетания "социальная ответственность бизнеса" или понимают его крайне узко, - как заботу о работниках и их семьях, - что не соответствует требованиям времени. Существует и другая негативная сторона этого явления.

Безразличие бизнеса к благосостоянию и процветанию общества в целом — «отрицательная черта, которая может серьезно воспрепятствовать созданию новых предприятий» [9]. Предприниматель в такой ситуации просто не может сформировать свой положительный имидж в глазах общественности, для которой получение прибыли выглядит сродни воровству, безнравственному занятию. В этом, на мой взгляд, одна из причин недостаточного развития малого и среднего бизнеса в России.

Сейчас как никогда важно привлечь внимание общественности, молодежи и деловых кругов к этической стороне бизнеса, выработать собственные философские основы предпринимательской ответственности. Свой путь к социальной ответственности будущие отечественные бизнесмены должны начинать со знакомства с традициями российской филантропии, которые были заложены еще в дореволюционный период [7]. Процессы

переосмысления роли, места и конечных целей бизнеса начинаются со студенческой скамьи. Именно в этот период закладываются ценностные установки будущей профессиональной деятельности и основы культуры экономической деятельности. В учебных программах актуальными становятся темы формирования образа компании, достижения общности ее интересов с целевыми аудиториями, упрочения корпоративной культуры [8, 10]. В связи с этим концепция социальной ответственности как важнейшей части репутации фирмы получает все более широкое развитие.

Мировая ситуация XXI века настоятельно требует представителей бизнеса нового типа, наделенных определенными *социальными* характеристиками – общей культурой, социальной ответственностью, нравственными принципами, гражданской активностью, способностью к диалогу, толерантностью. В свое время знаменитый русский философ В.С. Соловьев ставил этику на первое место среди всех сфер знания, которые сами по себе, по его мнению, не имеют никакой ценности. Подлинное понимание позиции философа пришло лишь к концу XX века, когда стали ясны глобальные последствия «безнравственной экономики», а также «безнравственной политики», «безнравственного искусства», руководствующихся исключительно сиюминутными интересами и выгодой.

Социально ответственный бизнес - одна из основ строительства гражданского общества в России, не только существенное условие экономического роста нашей страны, но и способ гармонизации социальных отношений.

Библиографический список

1. Louis Harris. Inside America. New York: Vintage, 1987.
 2. Simcha B. Werner. The Movement for Reforming American Business Ethics: A Twenty-Year Perspective // Journal of Business Ethics. 1992. January. С.61—70.
 3. Баркова Э.В. К возрождению человеческого измерения в современной философии // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 1 (42). С. 245-249.
 4. Баркова Э.В. Экофилософия в поисках оснований теории природно-культурного наследия // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 4 (8). С. 3-8.
 5. Бузская О.М. Социальная мембрана как принцип информационной экологии // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 161-163.
 6. Бузская О.М. Современные социокультурные коммуникации: эколого-аксиологическое измерение : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2014.
 7. Ивлева М.И. Университетская спиритуалистическая философия: концепция философского образования в трудах Е.А. Боброва // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 8. С. 124-138.
 8. Ивлева М.И., Левченко К.Г. Информационное пространство фундаментальных и прикладных наук в высшей школе // Инициативы XXI века. 2012. № 4. С. 102-104.
 9. Людмила Немкова. Обучение этике деловых взаимоотношений в посткоммунистической Праге // Этика деловых отношений. Европейское обозрение. Т. II, № 2.
 10. Понизовкина И.Ф. Современный образовательный процесс: по пути ли будущему экономисту с философией // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 1. С. 35-43.
 11. Современный бизнес. В 2х т. Т.1 /Пер. с англ./ М., 1995.
- Форд Г. Моя жизнь, мои достижения// <http://www.improvement.ru/bibliot/ford>

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Тураева Алина Дмитриевна

Центрально-Азиатский университет, г. Алматы, Казахстан

MASS CULTURE AND MODERNITY

Turaeva Alina Dmitriyevna

Central Asian university, Almaty, Kazakhstan

Аннотация

Массовая культура мифологизирует человеческое сознание, мистифицирует реальные процессы, происходящие в природе и человеческом обществе.

Ключевые слова: массовая культура, мифологизация, человеческое сознание

Abstract

Mass culture is necessary to eliminate the human consciousness, mystifies the real processes occurring in nature and human society.

Keywords: popular culture, mythology, human consciousness

Массовизация культуры XX века приобрела не количественный, а качественный характер. Массовость обозначает не только всеобщность и множественность – такое значение этого явления проявлялось в древности и средневековье. Культура XX столетия наделила массовость процессуальным и психологическим характером, что позволяет рассматривать этот цивилизационный процесс как активное действие антикарнавального типа. Если карнавал – это заявленный протест, противостояние официозу, то масса – это продукт давления официоза, сам его поддерживающий.

Исторические варианты масскульты находятся во множестве – это, например, культовые действия в первобытности, религиозные праздники в древневосточных культурах, предвосхитившие возникновение театра, массовые зрелища в Древней Греции и Древнем Риме, карнавал в средневековой Европе, наконец, фольклор во всех культурах.

Отчасти такой ряд справедлив – все перечисленные формы подразумевают коллективное участие, смысловую общедоступность, а также, что немаловажно для сравнения с масскультом, эмоциональное переживание и включенность зрителя (реципиента) в сюжет [2, с. 115].

Феномен массовой культуры до сегодняшнего дня является предметом культурологических и социологических споров, а также неприязни и осуждения. Существуют довольно противоречивые точки зрения по вопросу о времени возникновения массовой культуры. С одной стороны, как уже было сказано, массовая культура извечна и поэтому ее можно обнаружить уже в древности. Оправдана также попытка связать возникновение массовой культуры с научно-технической революцией, породившей новые способы производства, распространения и потребления культуры. В связи с этим массовой культурой зачастую называют такой вид культурной продукции, которая каждодневно производится в больших объемах. Предполагается, что массовую культуру потребляют все люди, независимо от места и страны проживания.

На рубеже XIX – XX веков массовизация затронула все сферы: экономику и политику, искусство и литературу, религию и философию, управление и общение людей.

Среди основных направлений и проявлений современной массовой культуры вслед за многими исследователями необходимо выделить индустрию «субкультуры детства». Детская литература и искусство, промышленное производство игрушек и игр, детские клубы и лагеря, технологии коллективного воспитания преследуют цели явной или закамуфлированной универсализации процесса социализации, внедрения в сознание детей

стандартизированных норм, идеологически ориентированных миропредставлений, закладывающих основы базовых ценностных установок, официально пропагандируемых в том или ином обществе. Стандартизация детства даже в массовом искусстве сегодня становится, с одной стороны, предметом пародии (таковой является, например, изображение детского лагеря в американском фильме «Семейка Адамс», являющегося отчасти самоиронией американской культуры), а с другой – агрессивного протеста (например, художественный проект «Стена» Pink Floyd).

Появление в Европе, а затем и повсеместно, обязательной общеобразовательной школы – другой процесс массовой культуры, тесно связанный со стандартизацией детства. Прежде задачи общей социализации личности решались преимущественно средствами персональной трансляции знаний, норм и образцов сознания и поведения от родителей к детям, от мастера к ученику, от священника к прихожанину и т.п., причем в содержании транслируемого социального опыта особое место занимали личностные жизненные установки воспитателя и его персональные социокультурные ориентации и предпочтения. На этапе разрастания масскульта подобные механизмы социального и культурного воспроизводства личности начинают терять свою эффективность. Возникает необходимость в большей универсализации содержания транслируемой информации, ценностных ориентаций, образцов сознания и поведения. Это, в свою очередь, вызвало необходимость создания канала трансляции знаний, понятий, символов широким массам населения, охватывающим всю нацию, а не только ее отдельные образованные сословия.

Средства массовой информации постепенно, но очень скоро превратились из информационного канала в орудие навязывания «нужной» интерпретации фактов. Для массовой культуры это и стало центральной и единственной функцией СМИ, и только немногие зрители, сопротивляющиеся такому напору чужих интерпретаций, видят, так сказать, неизначальность этой характеристики [2, с. 120].

Процесс культурной массовизации неотъемлем от складывания социальной мифологии (национал-шовинизма, квазирелигии, паранаучных учений, кумиромании и прочее), упрощающей сложную систему ценностных ориентаций человека и многообразие оттенков мироощущений до элементарных оппозиций («наши – не наши», «мировой заговор», «поиски инопланетян»).

Реклама, мода, индустрия имиджа (журналы о жизни знаменитостей), формируют в коллективном сознании стандарты престижных интересов и потребностей, образа и стиля жизни. Текст рекламы часто формулируется в виде этической либо эстетической нормы: «Если вы любите изящные вещи, значит у вас есть «Маргарита-Кашемир», ««Чудо-йогурт»» – всем полезен, всем хорош». Вкусно, со вкусом, поесть, чисто выстирать одежду, почистить зубы, выпить пива, зажевывая все ароматной жевательной резинкой – вот высшие блага персонажей рекламных роликов. Но массовизация культурных установок достигает апогея и появляются пародии или игра на противопоставлении «высокой» культуре. В рекламе появляется обычный или немного ущербный персонаж, у зрителя появляется мысль: «Если даже он, то уж я...!»

Наиболее ярким предшественником критиков массового общества и массовой культуры был Ф. Ницше, благодаря своей обостренной артистической чувствительности предвосхитивший будущую роль массы, которая, по его словам, склоняется перед всем заурядным [2].

Подробный анализ «массы», массовой психологии и соответственно массовой культуры был дан известным испанским философом Х. Ортегой-и-Гассетом в книге «Восстание масс». Философ констатирует, что на авансцену истории вышел неожиданно невидимый ранее тип человека и еще более удивительный тип социальных связей. Массы больше не хотят следовать за духовной элитой и стремятся прорваться к власти, хотя и не умеют управлять. Принадлежность к массе для Ортеги оказывается скорее психическим свойством, характеристикой ущербности личности.

Было бы ошибкой не отметить, что субъектами массовой культуры являются не просто масса, но индивиды, объединенные различными связями. Поскольку люди выступают одновременно и как члены локальных групп, и как члены массовых социальных общностей, постольку субъект массовой культуры может рассматриваться как двуединый, то есть одновременно и индивидуальный и массовый [3].

Известный французский философ Жиль Липовецки считает процесс индивидуализации центральным в масскульте. Это может показаться парадоксальным, однако Липовецки утверждает, что поиск идентичности, а не универсальности и определяет массовую пустоту современной культуры, опирающейся «на эмоциональную реализацию самого себя, жадно стремящегося к молодости, спорту, ритму, больше жаждущего благополучия, даже больше успеха в интимной жизни». Кроме того, Ж. Липовецки угадал одну из современных подсознательных культурных стратегий – поворот от массовизации к локализации. Культура будто бы устала от тотальности, глобальности и размытости. Но возврат к этническим границам уже невозможен, как невозможен он и в экономике. Парадокс индивидуализма, приводящего к массовизации, описан давно. Еще в начале века Вл. Соловьев писал: «Чрезмерное развитие индивидуализма в современном Западе ведет к своему противоположному – к всеобщему обезличению и опошлению. Крайняя напряженность личного сознания, не находя себе соответствующего предмета, переходит в пустой и мелкий эгоизм, который все уравнивает». Можно сказать, что у современного обывателя как бы пропускается этап «напряженного личного сознания» и он сразу, благодаря соответствующему воздействию современного информационного контекста, переходит в состояние уравнивающего всех эгоизма – индивидуализма без индивидуальности. Качественная жизнь заменяется количественным присутствием, реальная свобода «быть» – фикцией ее, создаваемой видимостью «иметь».

Сделав выбор в пользу «иметь», человек массы все чаще и себя определяет через то, чем он сам обладает, что он потребляет, и т. д. При этом он как бы теряет некое единство целостной личности и предстает как набор определенных характеристик или свойств, который может производить впечатление личности. Подобная видимость личности образует, если воспользоваться одним из излюбленных терминов постмодернистов, своеобразный симулякр личности. И сама масса может рассматриваться как толпа таких симулякров людей [1].

Однако нельзя не обращать внимание на некоторую долю позитивности массовой культуры. Масскульт дает обычному человеку способ ориентироваться в наиболее типичных ситуациях, сообщает минимум необходимых культурных сведений, которые позволяют ему вписаться в общество. Современный масскульт чутко улавливает страх обывателя перед лицом вечных метафизических и психологических проблем и новых катастроф и дает ему избавление от них – пусть даже временное и иллюзорное. В качестве компенсации за безысходность своего усредненного существования человек массы, не способный не только перестроить мир, но и изменить собственную жизнь, получает навеянный масскультом «сон золотой», дающий ему забвение в грезах.

Масскульт, таким образом, выполняет определенную охранительную функцию, позволяя держать массу обывателей в состоянии пассивных мечтаний. И массовый человек не замечает тривиального и нетворческого характера и своей жизни, и самой массовой культуры, которую он привычно потребляет

Развитие науки и техники расширяет для человека масскульт мир и пределы его бытия, удовлетворяет его потребности и этим стимулирует их дальнейший рост. Простота получения благ, а также усилия рекламы и всей системы мифотворчества делает потребительство его естественным состоянием. При этом формируется и закрепляется позиция, противоположная творческой. Прежде всего, само индустриальное общество порождает массу нетворческих профессий и делает нетворческими многие другие, в том числе искусство, превращенное в сферу производства. Потребительство становится

доминирующей чертой, определяющей организацию его жизни и в материальном, и в духовном плане.

Человек массы существовал всегда, но в обществе, ориентированном на традиционную систему ценностей, он прежде всего был встроен в определенную социальную и культурную «иерархию статусов». Представитель постмодернизма, известный своей критикой массовой культуры, Ж. Ф. Лиотар говорит, что считает главной проблемой современности то, что произошла «Вселенская реабилитация посредственности» благодаря всяческому обыгрыванию ее в масскульте.

В XX веке массовое искусство заменило собою фольклор, который в синтаксическом плане построен чрезвычайно жестко. Тексты массовой литературы и кинематографа построены так же. Это необходимо для того, чтобы жанр мог быть опознан сразу; ожидание не должно нарушаться. Зритель не должен быть разочарован. Поэтому сюжеты внутри массовых жанров так часто повторяются. Повторяемость – это свойство мифа – в этом глубинное родство массовой и элитарной культур, которые в XX веке ориентируются на архетипы коллективного бессознательного. Актеры в сознании зрителя отождествляются с персонажами. Герой, умерший в одном фильме, как бы воскресает в другом, как умирали и воскресали архаические мифологические боги. А в массовой культуре кинозвезды и есть боги. Так, например голливудский актер Брюс Уиллис в цикле картин «Крепкий орешек» играет героя, спасающего мир, город, район, здание от гибели. – Он спаситель. То, что восприятие такой смысловой нагрузки героя Уиллиса происходит на подсознательном уровне, подтверждается хотя бы тем, что символически орех обозначал для средневековой философии Христа – спасителя. Вполне возможно, что создатели фильма, да и сам актер не предполагали такого символического отзвука названия фильма, ведь сама фраза является поговоркой, клише обыденной речи. – В этом двойственность произведений масскульты: обыденность и простота, реализующая архетип.

Иллюстрацией того, как современное массовое искусство адаптирует элитарность смыслов и тем для массового потребителя, может стать весьма шумевший фильм братьев Вачовски «Матрица». Картина представляет собой сочетание обильных стилистических и жанровых заимствований с многочисленными интеллектуальными отсылками, рассыпанными тут и там. Персонажи цитируют Кэрролла, носят библейские имена и называются известными компьютерными терминами. Нео прячет диск в книгу Бодрийара «Симуляция и симулякры», количество мифологических, нумерологических и религиозных аллюзий сделало бы честь любому высоколобому постмодернисту. Но при этом «Матрица» остается фильмом действия и в то же время становится тем, что сами Вачовски назвали «грандиозный арт-хаус-хит» [3].

Массовая культура – это тоже культура, точнее часть ее. И достоинство ее произведений состоит не в том, что они демократичны, всем понятны, а в том, что они базируются на архетипах (бессознательных формах восприятия фундаментальных структур обыденной жизни: любви, насилия, труда, счастья и т. д.). К таким архетипам относится бессознательный интерес всех людей к эротике и насилию.

Массовая культура является «проводником» информации от элитарной культуры к обыденному сознанию, она возникла в ответ на потребность в такой адаптации и это является ее основной функцией. Реализуется эта функция посредством вышеперечисленных направлений массовой культуры и заключается она в следующем: Массовая культура адаптирует высокоспециализированные области культуры для понимания их широкими массами населения. Эта «адаптация» включает в себя определенную «инфантилизацию» образных воплощений элитарной культуры, а также «управление» сознанием массового потребителя в интересах производителя информации, предлагаемого товара, услуг и т. д. Такого рода адаптация всегда требовалась для детей, когда в процессах воспитания и общего образования «взрослые» смыслы переводились на язык сказок, притч, занимательных историй, упрощенных примеров и пр., более доступных для детского сознания. Теперь

подобная интерпретативная практика стала необходимой для человека на протяжении всей его жизни.

Современный человек, даже будучи очень образованным, остается узким специалистом только в какой-то одной области, и уровень его специализированности повышается. В остальных областях ему требуется постоянный «штат» комментаторов, интерпретаторов, учителей, журналистов, рекламных агентов и иного рода «гидов», ведущих его по безбрежному морю информации о товарах, услугах, политических событиях, художественных новациях, социальных коллизиях и т.д. Нельзя сказать, что современный человек стал глупее или инфантильней, чем его предки. Просто его психика, видимо, не может обрабатывать такое количество информации, провести столь многофакторный анализ такого числа одновременно возникающих проблем, с должной оперативностью использовать свой социальный опыт. Людям требуется некое средство, снимающее избыточное психическое напряжение от обрушивающихся на них информационных потоков, редуцирующее сложные интеллектуальные проблемы к примитивным дуальным оппозициям, дающее индивиду возможность отдохнуть от социальной ответственности, личностного выбора, растопить его в толпе зрителей «мыльных опер» или механических потребителей рекламируемых товаров, идей, лозунгов и т. д.

Библиографический список

1. Конев В.А. Человек в мире культуры (культура, человек, образование). – М.: АСТ, 2002.
2. Культурная интроспекция XX столетия и современности. Материалы к спецкурсу. / Сост. Н.Р. Суродина. – М.: Дашков и Ко, 2007.
3. Образовательный портал <http://magref.ru/>

СЕКЦИЯ Философская рефлексия и культурологический анализ

УДК 101

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Димитричева Ольга Ивановна

ФГБОУ ВПО «НГЛУ» им. Н.А.Добролюбова, г. Н.Новгород

Dimitr-olga@yandex.ru

FORMATION OF THE CONCEPT OF INTELLIGENTSIA IN RUSSIAN CULTURE

Dimitricheva Olga Ivanovna,

Linguistic University of Nizhny Novgorod (LUNN)

Аннотация

В статье представлен анализ художественной, публицистической литературы с целью выявления сущности и причин возникновения понятия интеллигенции в России. В работе применялся сравнительный подход, принцип историзма, анализ, синтез. В XIX веке возникла потребность в светском идеале общества, которым стала интеллигенция.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллигентность, рефлексия, святость.

Abstract

The article presents the analysis of artistic, journalistic literature in order to identify the nature and reasons of the concept of the intelligentsia origin in Russia. The paper used a

comparative approach, the principle of historicism, analysis, synthesis. In the XIX century there appeared a necessity for a secular ideal of the society, which happened to become the intelligentsia.

Keywords: intelligentsia, intelligence, reflection, holiness.

Современный интерес к философскому исследованию проблемы феномена интеллигенции вызван сменой идеологии, необходимостью переосмысления старых и поиска новых идеалов.

К настоящему времени написано много работ об интеллигенции, ее роли в жизни нашего общества, ее задачах, ее ответственности перед людьми. Спорят о том, виновата ли интеллигенция в кризисе экономики, в проведении таких реформ, которые не способствуют улучшению жизни основной массы населения. При этом авторы таких работ часто не оговаривают, что они понимают под «интеллигенцией».

В последнее время многие исследователи этого феномена отмечают, что господствующее в словарях определение интеллигенции слишком упрощенно трактует эту группу людей. Необходимо учитывать ее отношение к власти, духовные устремления или действия, направленные на улучшение жизни общества. Каждый автор выбирает то, что ему ближе. В постперестроечный период сложились три подхода: функциональный (А.С.Ахиезер, Н.Касьянова, Ю.А.Левада, А.Севастьянов, Н.Е.Покровский и др.), ценностный (Л.Н.Коган, Д.С.Лихачев, А.Ф.Лосев и др.) и культурологический (Е.Б.Рашковский, К.З.Акопян, В.М.Межуев).

Но проблема понимания термина «интеллигенция» возникла не сейчас. Она существовала с конца XIX века и остается актуальной в наши дни. Как понимали этот термин? Какие существуют подходы к пониманию интеллигенции? Когда появился термин в русской культуре, и как его трактовали? Ответы на эти вопросы необходимы для осмысления места и роли человека в современном мире.

Обратимся к появлению слова «интеллигенция» в русском языке. В статье «Русская интеллигенция» П.Д.Боборыкин так описывает его возникновение: «Тут я позволю себе открыть маленькую скобку и публично повиниться в том, что, около сорока лет тому назад, в 1866 году, в одном из своих критических этюдов, я пустил в обращение в русский литературный язык или жаргон, как угодно, это самое слово «интеллигенция», придав ему то значение, какое оно из остальных европейских литератур и пресс приобрело только у немцев: интеллигенция, т.е. самый образованный, культурный и передовой слой общества известной страны. Тогда же я присоединил к нему одно прилагательное и одно существительное, которые получили точно такое же распространение... «интеллигент» и «интеллигентный»...». [1, с. 80-81]

Итак, П.Д.Боборыкин считает, что введение нового слова – исключительно его заслуга. Но, например, В.А. Жуковский в своих дневниках употреблял этот термин, не задумываясь над его происхождением, как слово, давно вошедшее в литературный язык. Более того, В.А.Жуковский впервые употребляет это понятие с этической нагрузкой. В конце XIX века появляется социально-этическое направление в понимании феномена «интеллигенции», в XX веке нравственность личности является одной из основных составляющих интеллигентности. В.А.Жуковский впервые высказал мысль о том, что интеллигентный человек должен не только иметь хорошее образование, но и быть нравственной личностью. Это в идеале, а в реальной жизни совмещение этих двух черт бывает не всегда. Эту особенность интеллигенции он и отмечает в своих дневниках.

В.А.Жуковский описывает пожар, в результате которого сгорели 300 человек. А рядом устроили бал. «Осветился великолепный Энгельгардтов дом... к нему потянулись кареты, все наполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию» [4, с. 46]. В данном случае понятие «интеллигенция» употреблено в отрицательном смысле. Автор отмечает аморальность интеллигенции, безразличие, неспособность к сопереживанию. Эти записи относятся к периоду между 1827 и 1840 годом. Следовательно, уже к этому времени слово вошло в употребление.

В дневниках записаны наставления великому князю, будущему императору Александру II. По мнению В.А.Жуковского, вера и вытекающая из нее нравственность поступков являются важнее образования. Автор наставлений говорит о том, каким должен быть человек, а особенно правитель: «Твой целитель – твоя душа и тот, кто ее создал... Если человек сбился с пути, то он сбился весь, и талант, и ум не спасут его от той грязи, в которую он должен упасть, потеряв достоинство при всем уме и таланте. Потому-то и нужно более всего у нас беречь свое нравственное достоинство: ибо оно наша единственная опора» [4, с. 36,40]. Высказывается мнение о том, каким должен быть любой человек, его сущностные черты. По мнению В.А.Жуковского, просвещение важно и необходимо для дел государственных, для каждого человека в отдельности, в том числе и для государя, важно также для его души, ее «способности возвышаться». Это является для него смыслом жизни. Необходимо обратить внимание на представления В.А.Жуковского об идеальном человеке, поскольку при развитии термина «интеллигенция» в содержание этого слова вкладываются кроме образованности, моральные качества, и они являются главной, определяющей чертой интеллигентного человека и в настоящее время.

Эти наставления формируют идеал личности, к которому должен стремиться каждый человек. В.А.Жуковский, как внимательный учитель, уделяет большое внимание не только словам, но даже помыслам своего ученика, объясняет, чем может обернуться привычка не обращать внимания на кажущиеся мелочи, говорит о важности искоренения зависти, лицемерия и других отрицательных черт в человеке. Все дневниковые записи проникнуты мыслью о необходимости развития и совершенствования нравственных качеств личности, постоянной работы над своими помыслами.

Таким образом, В.А.Жуковский слово «интеллигенция» употребляет применительно к образованным людям, «лучшему петербургскому дворянству», которое не всегда нравственно. Вера и нравственное развитие личности, по его мнению, должны быть свойственны любому человеку, независимо от образования или положения в обществе.

Хотя слово «интеллигенция» употребляли еще в 30-40-е годы XIX века, но в словарях оно еще не было зафиксировано. Появление термина в толковом словаре свидетельствует о его включении в русский литературный язык. Обратимся к исследованиям филологов.

Ю.С.Сорокин отмечает, что с 30-х годов XIX века до 1860-70-х включительно поток заимствований становится сильнее. Именно в эти годы определился широкий круг терминов западноевропейского происхождения, прочно усвоенных русским литературным языком и вошедших в его лексическую систему [6, с. 48-49]. Несмотря на то, что В.Даль был противником заимствования слов, он включил в первое издание Толкового словаря (1863-1866) более 750 заимствованных слов, вошедших в употребление в 1820-50-х гг. Среди них было слово «интеллектуальный». Во втором издании его словаря (1880-1882) было добавлено еще около 60 слов и среди них появилось слово «интеллигенция». Сам факт введения этого понятия говорит о том что, несмотря на неприятие иностранных слов Далем, игнорировать его было уже невозможно.

Заимствование иностранных слов не является механическим переносом отдельных слов из одного языка в другой. Судьба таких слов зависит от того, насколько их введение оправдано потребностью выражения особых понятий, новых смысловых значений и оттенков. Значение слова «интеллигенция» можно передать только описательно, этому термину сложно предложить подходящую замену. Поэтому сам термин продолжает существовать и сейчас. Толковый словарь В.Даля так определяет содержание этого слова: «интеллигенция (ж., лат. *Intelligentia*), в значении собирательном, разумная, образованная, умственно развитая часть жителей». Необходимо отметить, что в предлагаемом определении не говорится о нравственном развитии человека. На этой же странице словаря В.Даля дается определение слова «интеллектуальный» – «духовный, умственный, разумный» [2, с. 108]. Судя по толковому словарю В.Даля, сложно разделить эти два слова. Обратим внимание на то, что в понятие «интеллектуальный» входит представление о «духовности», а термин «интеллигенция» не подразумевает ее наличие. Это характерно для XIX века, когда

духовность и религия были неразрывны. Толковый словарь отмечает эту особенность: интеллигенция не всегда связана с религией, религиозной духовностью.

Эта особенность интеллигенции отмечена не только в толковом словаре, но и в художественной литературе XIX века. Кроме того, в художественных произведениях мы можем найти обстоятельное рассмотрение сущностных черт интеллигенции.

Ф.М.Достоевский в «Дневнике писателя» рассматривает само явление «интеллигенции», его сущность, а также сравнивает интеллигенцию с другими слоями общества. Ф.М.Достоевский говорит об интеллигенции, как высшем сословии. Это образованные люди, которые имеют свои достоинства и недостатки. Часть интеллигенции – сельские учителя, врачи – прекрасно знают нужды народа, а часть порвала с народом, отсюда и недостатки. Отсутствие религиозной веры и желание все познать разумом. Ф.М.Достоевский выделяет способность русского человека к познанию веры без наличия образования. Об этом качестве с иронией говорили Г.Г.Шпет, В.О.Ключевский и др, и с гордостью – славянофилы, Н.С.Лесков. Это качество не способна понять интеллигенция. В данном случае присутствует функциональный подход, но в «Дневнике писателя» можно найти и ценностное понимание интеллигенции, только Ф.М.Достоевский называет этот слой «новыми людьми».

Ф.М. Достоевский рассматривает «новых людей» на примере романа «Анна Каренина» Льва Толстого. «Это множество, чрезвычайное современное множество этих новых людей, этого нового корня русских людей, которым *нужна правда*, одна правда без условной лжи, и которые, чтоб достигнуть этой правды, отдадут все решительно. Эти люди тоже объявились в последние двадцать лет («Дневник писателя» написан в 1877 году – О.Д.) и объявляются все больше и больше, хотя их и прежде, и всегда и до Петра еще можно было предчувствовать. Это наступающая будущая Россия честных людей, которым нужна лишь одна правда. О, в них большая и нетерпимость: по неопытности они отвергают всякие условия, всякие объяснения даже. Но я только то хочу заявить изо всей силы, что их влечет истинное чувство. Характернейшая черта еще в том, что они ужасно не спелись и пока принадлежат ко всевозможным разрядам и убеждениям: тут и аристократы и пролетарии, и духовные и неверующие, и богачи и бедные, и ученые и неучи, и старики и девочки, и славянофилы и западники. Разлад в убеждениях непомерный, но стремление к честности и правде неколебимое и нерушимое, и за слово истины всякий из них отдаст жизнь свою и все свои преимущества» [3, с. 57].

Отметим черты «нового слоя» людей, которые в XIX веке принадлежали к интеллигенции, исходя из этого и других размышлений Ф.М.Достоевского в «Дневнике писателя». Во-первых, принадлежность к разным слоям общества и убеждениям; во-вторых, стремление к правде; в-третьих, деятельная любовь; в-четвертых, образованность; в-пятых, внимание интеллигенции к вековым вопросам человечества; в-шестых, отсутствие религиозной веры; в-седьмых, желание все познать наукой, разумом [3, с.61-61, с.203-203].

Рассмотрим подробнее некоторые из указанных черт. Деятельная любовь – одно из важных качеств представителей нового слоя. «...Но суть дела заключается не в раздаче имений, а в велении сердца. Напротив, если чувствуете, что будете полезны всем, как ученый, идите в университет и оставьте себе на то средства. Не раздача имения обязательна и не надевание зипуна: все это лишь буква и формальность; обязательна и важна лишь решимость ваша делать все ради деятельной любви... Все же эти старания «опроститься» – лишь одно только переряживание, невежливое даже к народу и вас унижающее. Вы слишком сложны, чтобы опроститься. Да и образование ваше не позволит вам стать мужиком. Лучше мужика вознесите до вашей «осложненности». Будьте только искренни и простодушны; это лучше всякого «опрошения». [3, с. 61]

Выделенные нами пятый, шестой и седьмой пункты тесно взаимосвязаны. Человек неверующий задает предельные вопросы о вечной жизни, о боге, о добре и зле и т.п., хочет на них ответить с помощью науки, разума. В романе Л.Н.Толстого на вопрос о смысле жизни Левина натолкнул вид любимого умирающего брата. «Он ужаснулся не столько смерти,

сколько жизни без малейшего знания о том, откуда, для чего, зачем и что она такое» [8, с.717]. Левин задумывается над вопросом веры, неверия, ищет смысла жизни вне христианской веры. Левину знакомы философы, естественники, славянофилы, западники, католики и православные, но от обилия прочтенной литературы вопрос не решается. Отвечает на вопрос о смысле жизни, о том, как нужно жить, мужик Федор:

«– Один человек только для нужды своей живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканыч – правдивый старик. Он для души живет. Бога помнит.

– Как бога помнит? Как для души живет? – почти вскрикнул Левин.

– Известно как, по правде, по-божью...» [8, с.725].

Мужик не сказал ничего нового, но далее следуют размышления Левина:

«Я искал ответа на мой вопрос. А ответа на мой вопрос не могла мне дать мысль, - она несоизмерима с вопросом. Ответ мне дала жизнь, в моем знании того, что хорошо и что дурно. А знание это я не приобрел ничем, но оно дано мне вместе со всеми, дано потому, что я ниоткуда не мог взять его» [8, с. 727]. Левин приходит к пониманию того, что возможно знание без образования, без чтения философских книг. Это знание дается жизнью, христианской верой.

Несмотря на это знание, пройдет время, и Левин опять будет сомневаться в нем, задаваться теми же вопросами. В завершении романа мы видим его рассуждения: «мне лично, моему сердцу открыто несомненное знание, непостижимое разумом, а я упорно хочу разумом и словами выразить это знание». [8, с. 744]

Постоянные сомнения, размышления, рефлексия – это черты интеллигенции. Левин – собирательный образ, но он наиболее ярко выражает черты «нового слоя» или интеллигенции с точки зрения ценностного подхода.

В.Г.Короленко в своих воспоминаниях о Г.И.Успенском характеризует его как человека очень сочувствующего и переживающего за окружающих людей, «исстрадавшегося чужими страданиями». Он не мог пройти мимо несправедливости, его душа требовала хоть чем-то помочь нуждающимся людям. «Это настроение непереносности обычных житейских лжи и фальши, неправды и страдания, мимо которых мы, люди с более грубыми нервами, проходили довольно равнодушно, которую прежде Успенскому помогала переносить смягчающая юмористическая складка, – теперь усиливалась быстро из года в год». [5, с. 55] Человек интеллигентный вбирает в себя лучшие черты человека. В.Г.Короленко проводит параллели со святыми Руси. «Несомненно, что в этом исстрадавшемся чужими страданиями подвижнике литературы в последний период жизни проснулся обычный тип подвижника, знакомый нашей русской, порою жестокой, порою умиляющейся родной старине... Всю жизнь – он стремился к одной только правде, хотя бы и болящей, но истинной...» [5, с. 57].

Лев Александрович Тихомиров – революционный народник, публицист, впоследствии монархист, пишет о трагедии революционной интеллигенции, о ее сущности, недостатках. Его взгляды в известной степени объединяют представления об интеллигенции Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого и В.Г.Короленко. Л.А.Тихомиров отмечает противоречие между рассудком интеллигенции (европейской книжностью, рациональностью) и русской психологией. Это противоречие приводит интеллигенцию к разрушительной деятельности. «Отсюда постепенно растущая неврастеничность самой интеллигенции, отсюда ее вечное недовольство жизнью, ее мания самоубийства, ее легкая решимость на самые страшные преступления. Куст, вырванный из почвы, то засыхающий, то искусственно поддерживаемый, вечно тянущийся корнями к почве и не желающий пропитаться ее соками, которые кажутся ему грязными, недостойными его, воображающего себя роскошною *Attalea princeps* Гаршина» [7, с. 171]. По мысли Л.А.Тихомирова, интеллигенция необходима России, но ее созидательная деятельность возможна лишь в случае «великого переворота интеллигентной души, великого нравственного подвига, на который не хватает сил, особенно потому, что подвиг нужно начинать с покаяния, – признания своих великих заблуждений». [7, с. 171].

Л.А.Тихомиров отмечает образованность интеллигенции, книжные идеалы и желание

переделать общество в соответствии с этими чуждыми идеалами, но особенности русского национального самосознания интеллигенции находятся в противоречии с европейскими идеалами. Это приводит к разладу, раздвоенности отдельной личности. Возрождение России должно начаться с покаяния, отказа от гордыни, с возвращения к Богу.

Таким образом, и толковый словарь, и художественные и публицистические произведения отмечают у интеллигенции отсутствие религиозной веры при наличии образования. В толковом словаре В. Даля интеллигенция определяется как разумная, образованная часть жителей, не обладающая духовностью. Нравственность и духовность в XIX веке не отделялись друг от друга, но образованный человек не обязательно должен быть духовным в религиозном смысле этого слова. Возможно, поэтому из определения интеллигенции исчезла одна из главных составляющих – нравственность.

Необходимо пояснить, что любой язык дает не просто рациональное обозначение какого-либо понятия, в слово закладывается отношение народа к явлению. В XIX веке возникла потребность в светском идеале для общества, и этот смысл был заложен в новое слово «интеллигенция». Интеллигенция – это социальная группа образованных, нравственных людей, стремящихся к правде, желающих добиться социальной справедливости, задумывающихся над вопросами о личном смысле жизни и будущем человечества. Изучение возникновения этого понятия способствует осознанию и формированию духовно-нравственного идеала современной эпохи. В дальнейшем возможно изучение проблемы духовного развития личности в русской и мировой культуре.

Библиографический список.

1. Боборыкин П.Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. – 1904. – № 12. – С. 80-88.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1998. – Репр. изд. – Т. 2. – 780 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т./ Сост. А.В.Архипов. – Л.: Наука, 1983. – Т. 25. – 470 с.
4. Жуковский В.А. Из дневников 1827-1840 гг. // Наше наследие. – 1994. – № 32. – С. 35-49.
5. Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. – М.: Советская Россия, 1988. – 416 с.
6. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. – М.-Л.: Наука, 1965. – 565 с.
7. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1999. – 616 с.
8. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – Горький: Горьковское областное государственное издательство, 1950. – 748 с.

УДК 101.1

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ: «ЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» А.ТРЕНДЕЛЕНБУРГА

Ивлева Марина Ивановна

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва

stm602@yandex.ru

ECOLOGICAL ASPECT OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE: “LOGICAL RESEARCHES” BY A.TRENDELENBURG

Ivleva Marina Ivanovna

Plekhanov Russian university of economics, Moscow

Аннотация

Целью статьи является анализ философских воззрений А. Тренделенбурга с точки зрения экологического подхода в философии. При написании статьи использованы методы

историко-философского анализа и синтеза. В статье исследуются идеи Тренделенбурга о сущности философского знания и его отношении к частнонаучному знанию, их значение для обоснования философии в дискуссии с позитивизмом.

Abstract

The article purpose is to analyze philosophical ideas of A. Trendelenburg from the point of view of ecological approach. In the research, there were used methods of historical and philosophical analysis and synthesis. The article investigates Trendelenburg's ideas about the essence of philosophical knowledge and its relation with specific scientific knowledge; the role of these ideas for the substantiation of philosophy in the discussion with positivism.

Ключевые слова: экологический подход, философское знание, научное знание, Тренделенбург, история философии, сущность философии, логика.

Key words: ecological approach, philosophical knowledge, scientific knowledge, Trendelenburg, history of philosophy, essence of philosophy, logic.

В современной культуре новое понимание получает термин «экология». Понятие экологии как науки о взаимодействиях живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой, сформулированное в XIX столетии и получившее широкое признание в XX столетии, в настоящее время переросло рамки узкоспециализированного научного знания и обрело широкий философский смысл сохранения и развития всех природных и культурных объектов, бережного отношения к духовному и природному наследию, к знанию в целом, человеку как духовному и природному существу [2, 3, 7].

Экология философского знания неотделима от экологии человеческой культуры [8, с. 40-43], поэтому в современной философской культуре неслучаен устойчивый интерес к историко-философской проблематике. Богатство философии прошлого дает нам возможность открывать все новые моменты философского творчества прошлого, которые получают свое развитие в философии настоящего [1].

Целью настоящей статьи является анализ идей, изложенных в «Логических исследованиях» Адольфа Тренделенбурга (1802 – 1872), немецкого философа, труды которого получили развитие в философских воззрениях Густава Тейхмюллера, основоположника первой философской школы в истории российской философии [5, 6]. Хотя его философские воззрения не столь широко известны в нашей стране, тем не менее, выдающийся русский философ И.И.Лапшин, утверждал, что Тренделенбург не создал оригинальной философской системы, но его идеи в области формальной логики и истории философии заслуживают самого пристального внимания. Идеиный обмен играет очень важную роль в развитии культуры [4], и философия занимает в нем одно из первых мест.

Основные элементы философских воззрений Тренделенбурга представлены в таких трудах, как "Elementa logices aristoteleae" (1836); "Logische Untersuchungen" (1840; "Логические исследования", на русский язык переведены Е. В. Коршем в 1867 году) и "Historische Beitr ä ge zur Philosophie" (1846-67). Кроме того, Тренделенбургу принадлежат работы в области права, эстетики и ряд исторических сочинений, посвященных преимущественно эпохе Фридриха Великого.

В «Логических исследованиях» Тренделенбург излагает свои взгляды на сущность философии и показывает ее отношение к логике.

С середины XIX столетия главенствующая роль в европейской мысли принадлежала позитивизму, призывавшему отказаться от традиционного философского знания и перенести исследования исключительно в область частных наук. Поэтому в предисловии ко второму изданию «Логических исследований», вышедшему в 1862 году (первое издание было опубликовано в 1840 г.), Тренделенбург был вынужден особо остановиться на вопросе о том, каково место философии в культуре. «Философия призвана соединять все народы и времена в одном общечеловеческом созерцании и в разрешении необходимой задачи всех наук, она призвана служить живою связью западному и восточному сознанию, как делали некогда

Платон и Аристотель; а потому ей надо выйти из того низменного положения, в какое хотят ее загнать» [9, с. VIII].

Иными словами, философии следует отказаться от поисков неких новых начал и вернуться к своим истокам, классической античной философии, тем более, что основы, заложенные Платоном и Аристотелем, не исчезли, но развивались в философии впоследствии, вплоть до девятнадцатого столетия.

В результате этого возвращения очевидным становится соотношение между частными науками и философией: философия, как считает Тренделенбург, это всеобщая наука, в противоположность наукам частным, но она не существует отдельно от частных наук. Поясняет этот тезис философ при помощи следующих рассуждений.

Предмет каждой частной науки ограничен, она не изучает то что изучают другие частные науки, и, казалось бы, должна существовать и применяться в некоей замкнутой области действительности. Тем не менее, это не так. «Частные науки сами невольно ведут за свои пределы... усматривая, что носят в себе слепые предположения, неразобранные основные понятия, принятые извне начала, неисследованные первоисточники» [9, с. 5]. Более того, в действительности они не отделены друг от друга, но объект их исследования зачастую от же самый, поэтому они вынуждены вступать в спор по поводу того, насколько адекватно и правильно этот объект изучается, и в этом споре становится очевидным, что существует нечто общее, объединяющее частные науки начало. Это начало и есть философия, «которую можно назвать наукою идеи, если принять идею именно за определяющую мысль целого в его частях и общего в любом единичном» [9, с. 6]. Любой предмет частной науки есть не что иное, как часть целого, а любой ее метод также является частью целого как единства познающей мысли человека. Поэтому все частные науки неразрывно связаны и с метафизикой, и с логикой.

Целое, всеобщее бытие является объектом той науки, которую Аристотель назвал первой философией, а исследователи его воззрений – метафизикой. Задача метафизики – познать «сущее только как сущее вообще, и что именно подобает ему в этом качестве» [9, с. 8], в то время как частные науки исследуют лишь отдельные части сущего, но эти части объединены тем целым, элементами которого являются. Поэтому «если сущее рассматривать в самом себе, как всеобщее, действенное в любом частном, подобно, например, корню, действенному и в ветвях, то познание его превратится в познание первых, буде начнем с возникновения самой сущности, и последних, если, начав с явления, станем восходить к ней обратным путем» [9, с. 9].

В этом смысле любая частная наука не свободна от метафизики, поскольку всегда, изучая свои основания, доходит до того момента, где эти особые основания переходят во всеобщее, и сталкивается с собственной метафизической задачей: проследить связь предмета науки с сущим, а также связь собственных оснований с общими основаниями. Соответственно, в конечном счете метафизические задачи таких различающихся между собой частных наук, как математика, естественные науки, этика, представляют собой различные стороны одного и того же исследования, сутью которого является движение к первым основаниям, началам, к всеобщему бытию как основе всего частного.

Как уже говорилось выше, вторым важным моментом для Тренделенбурга является метод, суть которого он понимает как способ умственного воссоздания предмета исследования, представление, задача которого состоит в понимании закона этого предмета. Поскольку предметы конкретных наук значительно отличаются друг от друга, постольку различаются по сути и научные методы. Так, например, суть математических методов – движение от простого к сложному, поскольку они вырабатывают свой предмет изнутри. В противоположность им, естественные науки изучают многоплановые, сложные природные процессы, которые необходимо сначала разложить на простые составляющие и выяснить отношения между последними. В понимании Тренделенбурга сущность метода детерминирована мышлением, как таковым, в целом, и мышлением исследователя, в частности: «И если методы являются только в приложении к предмету наук, но в нем самом

не даны, а имеют свою общую основу в обрабатываемом предмет мышления, то это прямо ведет нас к задаче искать коренного начала методов в существе мысли» [9, с. 1].

Тренделенбург приходит к выводу: понять внутреннюю возможность знания и стремление к нему нашей мысли можно только в отношении к метафизике и логике. Причем понятие «логика», согласно его воззрениям, включает в себя не только науку о мышлении, но и об отношении мышления и сущего, иными словами, делится на логику формальную и логику диалектическую.

В конечном счете, формальная логика не замыкается в сфере мысли, но необходимо содержит элементы, которые выступают за пределы формы и касаются содержания предметов. Например, определяя, что такое истина, формальная логика называет это согласием мысли с предметом, следовательно, содержит посылку о том, что между формами мышления и вещами должно существовать соответствие. В учении о содержании и объеме понятия также посылка об этом соответствии вполне очевидна: так, говоря о содержании понятия, мы выделяем существенные признаки, следовательно, должны отличать характеристики вещи, объективно существенные и несущественные, определяющие ее существование в целом либо не влияющие на него. Сам термин «объем понятия» «не что иное, как круг представлений, в котором проявляется понятие» [9, с. 22], совокупность вещей, обладающих теми существенными признаками, что составляют содержание понятия.

Тренделенбург последовательно подвергает критическому анализу основные элементы формальной логики и приходит к выводу, что тезис о невозможности существования формальной логики, полностью очищенной от связи с содержанием, с предметом мышления, является истинным. Окончательным доводом в пользу этого тезиса становится анализ логических воззрения Аристотеля, основателя логики, в европейской логической традиции: «Аристотель строго отличает то, что предстает первым нашей познательности, именно: чувственные предметы, от того, что есть первое по природе, - от порождающего всеобщего. Последнее для него выше; оно становится мерою познания вообще, и всякого логического определения в частности» [9, с. 36].

Основоположником диалектической логики был Гегель, который, по выражению Тренделенбурга, взялся преобразовать формальную логику в метафизическую сторону при помощи диалектического метода. «он смело принимается развивать мышление и бытие в их общем единстве, и, как сам он говорит, излагать ступени, по которым мысль определяет себя к бытию» [9, с. 41]. И, хотя основная мысль Гегеля состоит в том, что чистое мышление порождает развивающееся бытие и познает это бытие, лишь в силу собственной необходимости, на самом деле он пользуется, как исходными посылками, понятием о движении, пространстве, времени, источником которых является внешнее по отношению к чистому мышлению. Тренделенбург подвергает диалектическую логику Гегеля столь же тщательному анализу, как до этого формальную логику, и приходит к аналогичному выводу: чистое мышление, взятое само по себе, невозможно. «Факт или наличная данность наук – вот основание логической проблемы. Науки с многообразнейших точек проникают мир. В случае ошибок или заблуждений, они поправляют друг друга своим поступательным ходом и своей связью. Они взаимно подтверждаются и одна перед другой оказывают состоятельность свою в приложении к делу, на практике» [9, с. 115].

Роль философии здесь заключается в том, что все науки в качестве исходных используют категории, сформулированные философией.

Дискуссия о том, в чем состоит сущность философии, каково ее отношение к научному знанию и место в системе наук, занимает очень важное место в философской культуре девятнадцатого столетия, когда под вопрос было поставлено не только значение философии в духовной культуре в целом, но и само ее существование. И философские размышления Тренделенбурга стали важным вкладом в обоснование философии для современности.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры. Автореферат диссертации

- на соискание ученой степени доктора философских наук / Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2003
2. Баркова Э.В. Философия диалога культур как форма надежды на сохранение мира. В сборнике: Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. Москва, 2015. С. 103-115.
 3. Бузская О.М. Социальная мембрана как принцип информационной экологии // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 161-163.
 4. Бузская О.М. Культурный мост «Россия - Ирландия» в современном мире // Человеческий капитал. 2014. № 10 (70). С. 46-49.
 5. Ивлева М.И. Университетская спиритуалистическая философия: концепция философского образования в трудах Е.А. Боброва // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 8. С. 124-138.
 6. Ивлева М.И. Философская школа Юрьевского университета и ее место в российской философской культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 4. С. 35-40.
 7. Понизовкина И.Ф. Ещё раз об экологии// Вестник Российского философского общества. 2009. № 1. С. 128.
 8. Понизовкина И.Ф. Современный образовательный процесс: по пути ли будущему экономисту с философией // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 1. С. 35-43.
 9. Тренделенбург А. «Логические исследования», М., 1868.

УДК 101.3

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЕТОДАХ И ЦЕЛЯХ

Малахова Елена Владимировна

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
г. Москва

elena_malahova@bk.ru

TEACHING PHILOSOPHY IN MODERN UNIVERSITY: METHODS AND GOALS

Malakhova Elena Vladimirovna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация

Данная статья посвящена вопросам преподавания и изучения философии в вузах. В работе рассматриваются проблемы методов и целей преподавания философии, а также ее место и значение в системе современного высшего образования.

Ключевые слова: философия, мировоззрение, преподавание, метод, система, мотивация.

Abstract

This article is dedicated to problems of teaching and studying philosophy in universities. The work explores methods and goals of teaching philosophy to students, and also its place and role in a system of modern higher education.

Key words: philosophy, worldview, education, method, system, motivation.

Преподавание философии в современном вузе – тема, без сомнения весьма непростая и достаточно обширная, при том, что она, на удивление, до сих пор весьма слабо разработана. В этом небольшом очерке мы постараемся хотя бы наметить основные задачи и

проблемы, с которыми сталкиваются и обучающие, и обучаемые, с тем, чтобы в дальнейшем рассмотреть эти вопросы в более детальных исследованиях.

Специфику преподавания философии по сравнению с другими дисциплинами отмечал еще Гегель в своей небольшой работе «О преподавании философии в университетах» [3]. Однако о том, как же все-таки стоит это делать, в рамках самой философии до сих пор сказано очень мало, что отмечает В.Ю.Кузнецов [6], выделяя роль личного творческого поиска как неотъемлемой части такого обучения. Тем не менее, его статья касается, как нам кажется, в большей мере обучения на философских факультетах, нас же интересует преподавание философии именно тем студентам, которые не планируют делать ее своей специальностью.

Вопрос о соотношении философии и частных дисциплин поднимался в русской философской мысли еще во второй половине XIX века, как показано в статье М.И. Ивлевой [5]. И вопрос этот неизбежно был связан с важностью изучения философии именно как синтетической дисциплины, объединяющей достижения частных наук.

И. Ф. Понизовкина [8] также отмечает необходимость разностороннего развития любого специалиста, что может дать именно философская подготовка.

Не секрет, что решающую роль в успехе обучения (как и почти любого начинания) играет мотивация – и преподавателя, и студента. В то время как преподавателю полагается быть мотивированным на передачу знаний, мотивация студентов зачастую оказывается под вопросом.

Ведь что определяет мотивацию? Интерес к процессу или результату, связанный с удовлетворением тех или иных потребностей. Те, кто заинтересован в самом процессе философского поиска, нередко получают философское образование целенаправленно. Однако как быть со всеми, кто избрал другую стезю, однако вынужден прослушать и выучить обязательный курс философии? Что она может им дать? Традиционный ответ на этот вопрос включает в себя отсылку к двум основным группам функций философии: мировоззренческим и методологическим [4, с. 146-147]. Не имея возможности разобрать здесь их все досконально, мы сосредоточимся именно на мировоззренческих функциях. Точно также мы пока оставим в стороне такую важную функцию курса философии, как приобретение общегуманитарной эрудиции.

Философские знания, без сомнения, должны помочь студентам в процессе формирования их собственной мировоззренческой позиции. Попробуем, наконец, предположить, как это может работать на практике.

Во-первых, надо принимать во внимание, что некое мировоззрение уже присутствует у студента, приступающего к изучению курса философии. Именно оно определяет все, что касается основных жизненных целей и ценностей конкретного индивида на данный момент. Философия может помочь систематизировать эти взгляды, выявить их основу и происхождение, и даже даст возможность производить их ревизию, если в этом появится потребность. Способность к рефлексии по поводу собственного мировоззрения является необходимой для включения в него философских и вообще каких-либо новых идей и концепций. Приобретение этой, несомненно, полезной способности, как мы полагаем, является одной из важнейших задач курса философии.

Как отмечает Е. В. Брызгалина [1], некоторые студенты изначально негативно настроены к философии, так как не видят в ней практической пользы, то есть возможности применения полученных знаний на практике. Это происходит, как нам кажется, в частности, из-за того, что знания, не вписанные в общую систему взглядов субъекта, не могут стать частью каких-либо алгоритмов действий и ложатся, что называется, «мертвым грузом», служа еще одной иллюстрацией к известному тезису, что «многознание уму не научает».

Подобное может произойти не только с философским материалом, но и с любым другим, если отсутствует понимание процессов и связей, включающих новые данные в универсум уже освоенного. Для того, чтобы новые знания включились в некую существующую мировоззренческую систему, ее надо хотя бы предварительно создать – из

того набора сведений, мнений, ценностных установок, которые часто слабо связаны между собой в сознании индивида. Философия здесь дает понимание фундаментальных основ и системообразующих принципов, с помощью которых можно объединить разрозненные взгляды в некий целостный, и главное, работающий механизм (или, возможно, даже организм).

Таким образом, первым шагом, по нашему мнению, должна стать именно систематизация уже существующего мировоззрения учащихся. Роль преподавателя здесь в том, чтобы показать, какие методы для этого можно использовать, помочь проследить путь от любого бытового действия или решения до тех фундаментальных ценностей, которые делают это решение в принципе возможными. Тем не менее, саму эту операцию учащиеся могут, да и должны проделать самостоятельно, так как рефлексия – все-таки сугубо личностный процесс.

Философские знания дают возможность понять, на каких основах строится личная картина мира и как она функционирует, тем самым позволяя бесконечно расширять и усложнять ее посредством включения новых данных. Таким образом, философия при должном освоении дает возможности для практически неограниченного самообразования в дальнейшем, что в реалиях современного, стремительно меняющегося мира, на самом деле, весьма ценно.

Библиографический список

1. Брызгалина Е. В. Преподавание философии в высшей школе // URL: <http://postnauka.ru/video/31219>
2. Волкова Е.Г. Основные проблемы преподавания философии в вузе // Современное образование. 2015, № 2.
3. Гегель Г.В.Ф. О преподавании философии в университетах // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т.1. – М.: Мысль, 1972.
4. Иванов А. В., Миронов В. В. Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради, 2004.
5. Ивлева М. И. Российский спиритуализм о методологических основаниях философской науки // Вестник Академии. 2010, № 3.
6. Кузнецов В. Ю. Философия преподавания философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2003, № 5.
7. Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004.
8. Понизовкина И. Ф. Современный образовательный процесс: по пути ли будущему экономисту с философией // Вестник РЭУ. 2014, №1.
9. Южанинова Е. Р. О методах, формах и средствах преподавания философии в вузе. // Вестник ОГУ №3 (164), март 2014.

УДК 130.2

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ МИФА К ФИЛОСОФИИ

Смирнов Сергей Владимирович

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
sunstability@yandex.ru

NATURALISTIC TRADITION OF EUROPEAN SPIRITUAL CULTURE: FROM MYTH TO PHILOSOPHY

Smirnov Sergey Vladimirovich

Elabuzhsky Institute of Kazan (Volga) Federal University

Аннотация

В данной статье, автором рассматриваются духовно-мировоззренческие предпосылки возникновения экологической проблематики: начиная от появления первой формы духовной культуры – мифа, к становлению философского взгляда на мир. Характеризуя специфику мифологического, религиозного и философского мировоззрений, автор приходит к выводу, что в основе возникновения экологической проблематики лежит традиция противопоставления человека и природы имевшая место, начиная, с появления дотеоретических форм осмысления мира – мифа и религии

Ключевые слова: антропоморфизм, антропоцентризм, космоцентризм, протестантизм, теоцентризм, этика капитализма

Abstract

In this article, the author discusses the spiritual and ideological preconditions for the emergence of environmental issues: from the appearance of the first forms of spiritual culture - the myth, to becoming a philosophical view of the world. In describing the specifics of mythological, religious and philosophical ideologies, the author comes to the conclusion that the basis for the emergence of environmental issues is a tradition of opposition between man and nature which took place, beginning with the emergence of forms pre-theoretical understanding of the world - the myth and religion

Keywords: anthropomorphic, anthropocentric, cosmocentrism, Protestantism, theocentrism capitalism ethics

В условиях усугубления экологической проблематики, одной из важных задач становится осмысление проблем, связанных с выявлением истоков ее возникновения. Традиционно, в качестве таковых, указывают формирование в эпоху Реформации основ протестантской этики, изменившей отношение человека к труду: от труда-как-наказания к труду-как-блаженству и превратившей деньги из всеобщего эквивалента товарного обмена в финансовый капитал, используемый для получения прибыли. Данные изменения привели к трансформации мировоззрения человека: от форм духовного производства и потребления, к созданию и приумножению материальных благ, что, в свою очередь, привело к возрастанию антропогенной нагрузки на природу.

Подобные взгляды на истоки экологической проблематики разделяются М. Вебером [4], Дж. Даймондом [6], А. В. Перцевым [10], А. И. Уткиным [11], и рядом других отечественных и зарубежных исследователей.

В тоже же время, анализ философских источников позволяет полагать, что истоками экологической проблематики является не столько трансформация основ мировоззрения европейского человека, имевшая место в эпоху Реформации, сколько его традиционное противопоставление себя природе, характерное для большей части цивилизационной истории, начиная, с появления первых форм духовной культуры – мифологии и религии.

Рассмотрим проблему эволюции натуралистических традиций европейской духовной культуры более подробно.

Миф – есть способ образного, фантастического отображения мира основанный на его непосредственном восприятии с помощью органов чувств. Мифологическое мировоззрение формируется в первобытную эпоху. По своему содержанию, оно было наивным, умозрительным и иллюстрировало лишь способность человека к моделированию реальности, к ее познанию посредством образов. Данное мировоззрение имело синкретичный характер, и основывалось на отождествлении человека и мира. Так, радость, смех и улыбки, сравнивались с расцветающей по весне природой, солнцем, ясным небом и пением птиц. Печаль, тоска и слезы – с увядающей природой, с пустующими полями, опадающими листьями, серым небом и морозящим дождем. «Очеловечивание сил и явлений природы, – порождало соответствующее практическое к

ним отношение – по образу слабых членов первобытного человеческого общества к более сильным» [12, с. 124].

Подобным же образом мир объяснялся и с позиций ранних форм религии – политеизма и анимизма. Древние греки, к примеру, связывали весенний расцвет природы с возвращением богини плодородия – Персефоны, из плена Аида – бога подземного царства, к своему отцу – Зевсу, осеннее увядание природы – с пребыванием Персефоны под землей [8]. Подобные представления характеризуют мифологическое и ранние формы религиозного мировоззрения как мировоззрение антропоморфическое – связанное с наделением человеческими свойствами различных объектов живой и не живой природы.

Но что означает антропоморфизм в контексте осмысления мира как целостности? Он означает не природосообразность мышления человека, а его противопоставление себя природе. Взгляды на мир как на Человекоподобие, – есть наивный антропоцентризм – не оформившееся, дорациональное представление о человеке как важнейшей форме мироздания. Эти представления уже тогда позволяли человеку смотреть на самого себя как на существо, по образу и подобию которого создается и воспроизводится не только мир, в котором он живет, но и мир сверхъестественный, наполненный богами и духами. Антропоморфные боги древности есть не что иное, как реализованное в мышлении стремление человека возвыситься над природой, управлять ей. Возникновению экологической проблематики в условиях существования подобного мышления, препятствовало лишь малое количество народонаселения Земли, отсталость технологий и наличие возможности мигрировать в районы, не задействованные хозяйственной деятельностью человека (что способствовало, одновременно, восстановлению нарушенного им природного баланса на оставленных территориях).

На рубеже VII-VI веков до н.э., появляется философия – форма духовной культуры, направленная на осмысление мира как целостности. Философия стала первой формой рационального осмысления мира, описывая, его (мир), аргументировано, с использованием мышления и логики.

В Античности, в условиях господства космоцентрического мировоззрения, мир воспринимался как единый, живой и гармоничный Космос, человек – как его малое подобие – микрокосм. В отличие от наивного антропоцентризма эпохи господства мифологии, космоцентризм в центр природы ставит не человека, а Космос. Подобные взгляды на мироздание легли в основу рационального, отношения человека к окружающему. «Если Космос одухотворен, – то и живые существа обладают душой. Как нельзя причинять страдания себе подобному (то есть другому человеку), так нельзя причинять их любому организму вообще (будь то растение и животное), потому что, все окружающее тоже подобно нам». [5, с. 76].

Тем не менее, несмотря на подобное мировоззрение, уже в Античную эпоху имели место проявления экологической проблематики. Наглядный пример дает деградация экосистем Балканского полуострова связанная с вырубкой лесов и разведением местным населением коз и овец. Первое обстоятельство привело к снижению плодородия почв, второе – к сукцессии ландшафта с образованием вторичных экосистем в виде малопродуктивного кустарникового маквиса (недаром говорят: «могущество Греции съели козы»).

В Средние века формируется теоцентрическое мировоззрение. Это мировоззрение основывается на отношении к сакральному миру как реальности, противостоящей миру физическому, объявленному, в силу своего несовершенства, миром неподлинным, ненастоящим. «Вот земля и небо, – пишет Августин, – они кричат о том, что они созданы; ибо они меняются и облик их различен. Кричат они также, что не сами они себя создали: «Мы существуем потому, что мы созданы: нас ведь не было, пока мы не появились; и мы не могли возникнуть сами собой». И далее: «Они

не так прекрасны, не так добры и не так существуют, как Ты, их творец. По сравнению с Тобой они не прекрасны, не добры и их не существует. Мы знаем это и благодарим за это Тебя» [1, с. 285]. Религиозная европейская философия объявляет человека творением Бога, его малым подобием. Предназначение человека – не изучение вещного мира – обители зла, греха и порока, а познание божественной сущности, приобщение к тайнам Творения, изложенным в священных книгах. Инверсия духовно-нравственных императивов рождает идею предметного освоения мира, подкрепляемую, выдержками из Священного писания. «И сказал Бог: сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему; и да владычествует он над рыбами морскими, и, над птицами небесными, и над скотом, и над всей землей, и над всеми гадами, пресмыкающимися на земле... И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным пресмыкающимся на земле». [2, с. 605-606].

Следствием подобного отношения человека к природе стало усугубление к концу Средневековья элементов экологического кризиса приобретшего уже не локальный, а региональный характер. Данный кризис, не в последнюю очередь был связан с увеличением численности народонаселения Европы, с бурным развитием ремесел и городов. Даже в Московской Руси, численность населения которой в то время была крайне невелика, отмечались элементы экологического неблагополучия. «Быстро сокращался лесной покров, смертоносная вода из образовавшихся болот стекала в реки вместе с отходами быстрорастущих городов. По свидетельству историков, при И. В. Грозном площадь лесов на территории Москвы и Подмосковья, вдвое уступала нынешней, в Москве-реке не осталось рыбы» [9, с. 149].

Теоцентризм Средневековья меняется антропоцентризмом эпохи Возрождения. Человек здесь предстает как центр мироздания, творец мира духовного и мира социального. Происходит секуляризация религии. В этих условиях задачей человека становится не богопостижение, а познание природы – материализованной божественной сущности. Возникает наука – знание экспериментальное, опытно подтверждаемое. Человек, вооруженный научным мировоззрением, начинает понимать, что он способен не просто познавать Бога как творца сущего, но и изменять богоустановленный порядок, а значит, является существом, превосходящим Создателя! Ну а если человек выше Бога, то его поступки принципиально не могут быть подвергнуты осуждению со стороны данной «инстанции». А значит, теперь все дозволено!

Духовная деятельность, в этих условиях, нивелировалась к соблюдению религиозных формальностей, а человек, потеряв себя в мире моральных идеалов оказавшихся иллюзией, стал следовать потребностям своего физического тела – как подлинной и непосредственно данной сущности, противостоящей неподлинной, иллюзорной духовности.

Протестантское движение, развернувшееся в Европе на заре Нового времени было, по сути, ответом на изменившиеся в эпоху Возрождения представления человека о своей сущности и характере деятельности. Это движение было призвано приспособить христианские догматы к новой духовно-культурной ситуации, к формирующейся идее материального потребления и накопительства. Протестантизм боролся не с католицизмом, а с пропагандируемой католической церковью христианскими идеалами, которые, в условиях инверсии мировоззрения человека капиталистической эпохи, оказались несовместимыми с его новыми потребностями. Борьба со злоупотреблениями католической церкви здесь представляла лишь антураж, плохо прикрывающий стремление закрепить те духовные изменения, которые произошли в сознании людей предшествующей Реформации эпохи.

Борьба с католицизмом выразилась, в первую очередь, в стремлении изменить представления христиан о богатстве, традиционно презираемом его апологетами. «Не

собирайте себе сокровищ на земле, – сказано в Евангелии от Матфея, – где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» [7].

Что стали означать эти слова в условиях новой духовно-культурной ситуации? «Должен ли христианин жить в нищете? Да, он не должен собирать сокровищ. Но что есть сокровище, как не капитал, исключенный из оборота? Да, христианин должен быть милосерден. Но милосердие должно сводиться не к пожертвованию денег, но к возможности дать человеку их заработать. Да, обман греховен, но если накопление богатства есть дело богоугодное, то безразличны пути, которыми человек приблизится к Богу. Протестантская этика лишь освободила «приобретательство от критики традиционализма, превращая стремление к наживе не только в законное, но и в угодное Богу дело (рациональное и утилитарное использование собственности на благо каждого отдельного человека и общества в целом)» [3, с. 13].

Таким образом, натуралистические традиции духовной культуры Европы, характеризуются явлениями традиционного противопоставления человека природе, имеющее место уже в условиях господства мифологического мировоззрения и ранних форм религиозных верований с их наивным антропоцентризмом, рассматривающим человека как существо, по образу которого воспроизводится реальный и сверхъестественный мир. Этика капитализма, с ее ориентацией на приоритеты потребительского отношения к природе как источнику материальных благ, мало чем отличалась от средневековых представлений о природе как неподлинном мире, объекте утилитарного воздействия со стороны человека и взглядов Эпохи Возрождения, рассматривающих последнего как высшую цель и центр мироздания. Сакрализовав деятельность, направленную на создание богатства, этика капитализма лишь окончательно низвела природу до статуса средства, необходимого человеку для утверждения своего господства над физическим миром.

Библиографический список

1. Августин Аврелий. Исповедь. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 400 с.
2. Августин Блаженный. О граде Божиим. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 1296 с.
3. Алямкин, С. Н. Роль протестантской этики в формировании духа капитализма: трактовка М.Вебера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №2 (52) 2015). Ч.1. Тамбов, 2015. – С. 13-14.
4. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Директ-Медиа, 2011. – 178 с.
5. Гусев, Д. А. Удивительная философия. М.: ЭНАС-КНИГА, 2014. – 272 с.
6. Даймонд, Дж.. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 762 с.
7. Евангелие от Матфея [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/> (дата обращения: 20.01.2016)
8. Мифы и легенды Древней Греции [Электронный ресурс]. URL: http://www.legendy.net/mif_grecii_29.php (дата обращения: 20.01.2016)
9. Назаретян, А. П. Демографическая утопия устойчивого развития / Общественные науки и современность. 1996. №2. – С. 145-152.
10. Перцев, А. В. Почему Европа не Россия (Как был придуман капитализм). М.: Академический проект, 2005. – 384 с.;
11. Уткин, А. И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 761 с.
12. Ясвин, В.А. Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000. – 456 с.

УДК 101.1

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ МЕЩАНСТВО И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРНОСТЬ

Нестеров Андрей Иванович

Национальный государственный Университет физической культуры,
спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург
nesterovu@ya.ru

CONSUMER MARRIAGE AND MODERN CULTURE

Nesterov Andrey Ivanovich

National state University of physical culture, sport and health
named after P. F. Lesgaft, St. Petersburg

Аннотация

В статье раскрывается философский смысл мещанской культуры потребления, в современной культуре. При этом показано, как социальные, политические культурологические методы воздействий на обывателей способствуют у них формированию культурности потребления. В результате этого воздействия образуется современное общество потребления. Поклонение деньгам и вещам формируются у обывателей производителями товаров, через рекламу, которая и создаёт культ потребления, который в современной мещанской среде приобретает значение потребительской культурности.

Ключевые слова: культ, культура, культурность, мещанство, потребление.

Abstract

The article reveals the philosophical meaning bourgeois culture of consumption in contemporary culture. This shows how the social, political, cultural methods of influence on the townsfolk they contribute to the formation of culture of consumption. As a result of this action is a modern consumer society. The worship of money and things are formed among ordinary people producers of goods, through advertising, which creates a cult of consumption, which in the modern petty bourgeoisie acquires the meaning of consumer culture.

Keywords: cult, culture, culture, philistinism, consumption.

Понятие культура в первоначальном смысле означало культ у ра, т.е. поклонению богу солнца (свету), отсюда всё христианское религиозное руководство – это светлости. Когда человечество приручило диких коров и сделало их домашним скотом, то надо было ввести запрет (табу), чтобы на него не охотились. Поклонение одомашненному крупнорогатому скоту выразилось вначале в простой заготовке травы для его кормления – сена. А затем и возделывания почвы, посевов семян травы определённого сорта. Поэтому в античности под возделыванием почвы понимали и культ у Ра, От солнечного света и тепла зависел урожай зерна трав. Современное мещанство стремиться к благоустройству собственного жилья, его поклонение связано с приобретением вещей «для дома, для семьи» создающих им комфорт и уют. В результате в современной культуре формируется «буржуазная культура потребления» с соответствующей ей образу культурности. «Всё получает значение гуртовое, оптовое, рядское, почти всем доступное, но не допускающее ни эстетической отделки, ни личного вкуса. Возле, за углом, везде дожидается стотысячеголовая гидра, готовая без разбора всё слушать, всё смотреть, всячески одеться, всем наесться – это та самодовольная толпа сплочённой посредственности Ст. Милля, которая всё покупает и поэтому всем владеет» [1, С.473]. По мнению Герцена сложившийся после буржуазно-демократических революций строй, есть последняя модель европейской цивилизации, где власть основана на рыночных

экономических отношениях. Сегодня мы продолжаем жить в этом рыночном мире широкого «культурного потребления», цивилизованность которого представляют не гуманные идеалы коммунизма, а производство и потребление товаров.

Культура капиталистического мира теперь непосредственно связана с получением и умением пользоваться потребительскими товарами. В глазах владельцев телефонов сотовой связи, человек, не владеющий соответствующим гаджетом, выглядит как не культурный дикарь. Быть культурным в этом «потребительском обществе», – значит владеть набором стильных предметов потребления (дом, квартира с соответствующей моде дизайнерской отделкой (евро стандарт); автомобиль последней модели; модная одежда и аксессуары). Формированием образа такой культурности занимается реклама – «двигатель торговли». Реклама потребительских товаров везде и всюду от нас. Передачи «Смак» и ей подобные передачи массовой культуры пропагандируют культуру потребления новой пищи. Телепередача «Школа ремонта» способствует, как развитию нашего дизайнерского вкуса, так и повышению спроса на стройматериалы. И тут же передачи о здоровье предлагают различные медицинские аппараты и лекарства для соответствующего лечения. Капиталистическая цивилизованность не идеальна, всё, что может предложить для удовлетворения потребностей буржуазно-демократическая цивилизация, всё выставляется на продажу. Если фильмы на подсознательном уровне рекламируют проституцию, насилие, табак, спиртное и другие наркотики, то соответствующие явления утверждаются в нашей потребительской культуре.

Для формирования культурности в «потребительском обществе» часто используется понятие «стиля жизни» [3]. Культурность людей определяют по месту их проживания, уровню образования, манере одеваться, характеру проведения досуга. При этом используется шкала оценок чисто бытового потребительского характера, вплоть до мельчайших деталей одежды, фирменного знака магазина, характера досуга (посещение концерта и оперы, крикет и футбол, теннис и бокс), марки машины, размеров газона перед домом и т.п. По этим признакам судят об уровне «культурности» современного человека, о его состоятельности, о том, на сколько, он «культурно выглядит», «сколько он стоит», каковы его доходы. Такая «культурная» градация в экономической и политической сферах современного общества потребления является питательной средой для стилей жизни мещанства, распространения его ценностей и критериев, искусственно построенных не на человеческой, а на внешней показной вещной основе. На деле эти признаки мещанской культурности, образующие материальное облачение стилей жизни, разделяют или объединяют людей. Рабочий высокой квалификации, как бы он ни стремился усвоить в одежде, характере досуга, типе жилища и других внешних признаков стиля жизни бизнесмена, принципиально останется наёмным работником. Даже если он обладает частью акций предприятия, на котором работает, и будет получать по ним часть прибыли, но, не имея контрольного пакета акций, он лишён возможности руководить и распоряжаться этим предприятием. При поверхностном взгляде на мир кажется, что именно стиль жизни выражает его культурность в экономической и политической сферах общества. На самом деле такой цивилизованный стиль жизни не может отождествляться с экономическим и политическим уровнем жизни, который представляет собой конкретно-историческую характеристику социальных групп общества, в том числе и мещанства как «среднего класса» капиталистического общества. Уровень жизни (жизненный стандарт) выражает степень удовлетворения материальных и культурных потребностей, обеспеченности материальными благами, которые характеризуются преимущественно количественными показателями (заработная плата, реальный доход, жилищные условия, уровень образования, и т.д.), а не уровнем высокой культуры.

Между культурным уровнем жизни и потребительским стилем жизни существует определённая жизненная связь. Уровень жизни открывает возможности культурного потребления для осуществления стилей жизни. Структура расходов, напрямую определяемых уровнем культуры современной жизни, зависит от принятой культурности, сложившейся в данной среде, что соответствует современному стилю жизни. Такой культурностью

определяют стандарты стильной жизни, включающие в себя планировку и габариты квартир, марки и модели автомобиля, даже размеры лужаек перед домом и цветы, которые на них должны расти. Но все эти культурные элементы символизируют и отражают лишь поверхностный, внешний образ и показатель уровня культурности владельца. Культурный стиль жизни определяется в данной среде принятой системой и шкалой ценностей, а также характером воспитания, степенью связи с коллективами, степенью включенности данного индивида в культурную, деятельность.

Неотъемлемая черта современной культуры мещанского стиля жизни - превращение вещей, всех материальных элементов быта из средства в цель, в смысл существования, достижению которого подчинены время, энергия, жизненные усилия. Культурность современного мещанина выражает следующее кредо. Он «не для того ест, чтобы жить, а живёт, чтобы есть». Его культурное потребление очень сильно зависит от рекламы товаров. Отсюда следует основное функционирование мещанской культуры - это потребительское поглощение благ созданных представителями культуры. Потребление того или иного продукта питания, обладание той или иной вещью - от самой прозаичной части туалета до эксклюзивного украшения или предмета старины - выступают здесь как знак, символ, статус «культурности» положения в обществе, как признак принадлежности к определённому кругу избранных элит, возвышающихся над другими, менее благополучными и менее культурными людьми. Для мещанской культуры характерно функциональное, инструментальное, прагматичное отношение к людям, которые выступают как средство для приобретения вещей. Причём вещь может быть целью не только как материальная, меновая стоимость, но и как культурный знак престижа, показатель уровня достигнутых жизненных успехов. В зависимости от условий существования различных социальных групп, в том числе и мещанства, различаются и их культура по стилю жизни.

Одна из содержательных книг, посвящённых проблеме культурного стиля жизни, - «Стиль и цивилизация» - принадлежит американскому социологу А.Л. Креберу [2] В ней дана обстоятельная характеристика культуры стиля жизни. Где лавной чертой цивилизационной культуры, характеризующей культурный стиль, выступает функция, которая относится к способу выражения, проявления чего-либо культурного. А.Л. Кребер показывает, что основные значения термина «стиль», во-первых, касаются формы как противоположности субстанции, способа как противоположности содержанию. Во-вторых, предполагаются определённое постоянство форм. В-третьих, связанные друг с другом формы, образующие стиль, объединяются в системы культуры. Развитие производства середины и второй половины XX в. с характерным научно-техническим прогрессом превратили предметы быта из недостижимого вещного культурного фетиша, в предметы широкой потребительской культуры, массового поточного производства и потребления. Отдельные дома и квартиры, купленные автомашины, приёмники, телевизоры, бытовая техника перестали быть достоянием «высших» слоёв общества, стали достоянием «среднего класса». Те, кто привык заслоняться вещами, считая себя (точнее вещи, которыми владеет) эталоном культурной избранности, уже смотрят на эти вещи как на безвкусный ширпотреб примитивного уровня культуры. Следовательно, не стоит превращать вещи в цель достижения культурной жизни. Суть цивилизационной культуры людей не только в вещах, но и в отношении к ним. Нельзя подменять культуру только «цивилизацией вещей». Усвоение только цивилизованно поверхностного стиля культурной жизни, как правило, сопровождается разрушительным воздействием на подлинную культуру с её традициями.

В США и других буржуазно-демократических странах Запада уделяется большое внимание подъёму культурного уровня граждан через пропаганду стиля жизни, которая предназначена для роста культуры так называемого «среднего класса». По мнению американских политологов «средний класс» составляет основу политико-экономической стабильности страны, он является основным потребителем в США, который постоянно подвержен рекламе как пропаганде потребления. По этому поводу в 70-е гг. в США рядом социологов была разработана и внедрена в американский стиль жизни теория, направленная

на приобретение так называемых пяти ключей от обывательского, мещанского культурного рая. Первый ключ, чтобы им открывать офис (место работы). Второй – открывает дом, квартиру (место отдыха). Третий от автомобиля – место комфортного передвижения. Четвёртый – загородный дом или коттедж, и пятый от сейфа в банке. На достижение этой культуры нацелено и устремлено потребительски-мещанское общество. По мере приближения к последнему уровню «культуры» такой жизни, соответствующего овладению пяти ключами мещанского культурного рая, складывается социальный статус «культурного человека» в Западной цивилизации.

Сейчас, когда нет СССР, и определилась возможность превратить в капиталистическую периферию страны бывшего «восточного блока», а заодно и подчинить себе те страны «третьего мира», которые ранее были советской клиентурой, по логике вещей культура «государства благоденствия» должна была бы расцвести пышным цветом в «буржуазно-демократической» России. Однако мещанская цивилизация Запада, обнаружив, что «советской угрозы» нет, перестав страшиться «повторения большевистской революции» у себя дома, стала агрессивно нетерпима к собственным социальным низам - и уже готова, как выражаются западногерманские левые, «скинуть нижнюю треть общества» со своих счетов. Западная цивилизация готова пойти даже на возрождение военной вражды, лишь бы не делиться со своими колониями открывшимися возможностями быстро повысить свой культурный, потребительский уровень. Очень показателен пример Билла Клинтона, который утверждал, что современное высококачественное здравоохранение должно быть доступно всем американцам, но никакого доступного здравоохранения не ввёл, а, напротив, урезал программы социальной помощи, оставив за бортом «государства благоденствия» миллионы американцев, в первую очередь, иммигрантов. Поистине удивительна и вера наших проамериканских либерально-демократических интеллигентов в то, что они, овладев Западной культурностью, могут стать чем-то «лучше» и «выше» своих российских коллег.

Однако не стоит негативно оценивать культуру развитых стран Запада. Есть в культурном американском стиле жизни и позитивные элементы. Они, прежде всего, исходят из социально-экономических условий жизни общества. Так, идеальный состав американской семьи, присущей, как правило, всё тому же «среднему классу», должен состоять из четырёх человек - отца, матери и двух детей. Это всё же не может способствовать должному росту численности народонаселения страны, его обеспечивает постоянный приток в США эмигрантов, численность которых контролируется правительством страны. В то же время в политико-экономической сфере жизни общества рассчитываются и пропагандируются определённые стандарты для наиболее удобной и комфортной культурной жизнедеятельности среднестатистической семьи. Например, комнат в доме или квартире должно быть как минимум на одну больше из расчёта на каждого члена семьи. Для стандартной американской семьи рекомендуется дом или квартира из шести комнат: кухня-столовая, холл-гостиная, четыре спальни-кабинета из расчёта на каждого члена семьи с примыкающими к ним туалетными кабинетами. Такая материальная культурная обеспеченность является своеобразным регулятором демографической ситуации в стране, рост количества благоустроенного жилья, в отличие от нашей страны сегодня, там обеспечивает достаточно стабильное увеличение народонаселения.

Все эти процессы, связанные со стремлением к культурному потреблению, становятся актуальными и для нашего Российского мещанства, которое также мечтает как можно более культурно, стильно и богато обставить своё основное, частное место проживания-пребывания, закрыться в нём от проблем внешнего мира и отдыхать, потребляя различные продукты культуры. Им хочется создать обустроенный по современным требованиям массовой культуры свой маленький местечковый мирок. По пропагандируемым рекламой Запада культурным стандартам мы стали обустраивать свою жизнь (евро стандарт). Вот оно наше современное культурное «мещанское счастье», к которому мы так стремились, проводя буржуазно-демократическую революцию 1991-1993 гг. Однако мы не американцы и нам свойственна и наша традиционная национальная культура. В отличие от граждан США, для

которых самое главное это заработок, где ради высокой зарплаты они легко изменят своё место жительства, т.к. могут легко купить жильё в любом месте страны. Для русских мещан-обывателей жильё - это самая большая и дорогая культурная ценность, большинство россиян живут вместе с родителями. «Родительский дом начало начал». Мы, в отличие от всех народов Запада, на первое место в культурной жизни ставим своё жильё, а работу ищем рядом с ним. «Где родился, там и пригодился». Большую часть заработанного в течение жизни мы тратим на культурное обустройство своего жилья (местонахождения). У людей разных профессий, возрастов, мест проживания могут складываться разные стили культурности жизни. Немалую роль в них играют и национальные традиции. Мещанство – явление культурной практики. С этих позиций автора мещанство определено как нормативно-оценочное культурное понятие, отражающее количественно-качественные признаки социально-пространственных изменений, меру освоенности материальных ценностей, норм и процедур, а также принципов духовной жизни и практической деятельности местной общности (мещанства).

Оно включает в себя значительную часть культурности – образ жизни местного общества (мещанства), обладающую своими признаками (социально-субстратный элемент). Действующие в современном культурном обществе мещанские принципы, нормы и процедуры (нормативный элемент). Образ жизни и функционирование мещанства в основных сферах современной культурной жизни – семейной, экономической, социальной, политической, духовной (социально-культурный и политико-экономический функциональный элемент). Осуществление (приобретение) культурных ценностей мещанства в мышлении и практической деятельности индивида (аксиологический элемент). Мещанство как показатель культуры и цивилизованности общества (критериальный элемент) и т.д. В социально-философском плане потребительское мещанство является интегральным общественным феноменом исторического культурного процесса, способствовавшему развитию капиталистической культурности страны комплексом духовных, практических жизненно-бытовых составляющих, отличающих определённую совокупность людей как социальную общность или слой от других субъектов общества, указывающих на особое историческое место и роль данного слоя в культурном прогрессе.

Библиографический список

1. Герцен А.И. Концы и начала. Собр. соч. в 30-ти тт. М., 1957. Т.16.
2. Крёбер А. Стил и цивилизации. // Культурология: Дайджест / РАН. ИНИОН; Редкол.: И. Л. Галинская (гл. ред.) и др. - М., 2001. - С. 7-25
3. Котлер Ф. Основы маркетинга: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. Е.М. Пеньковой. М.: Прогресс, 1990, — 736 с.
4. Конотопов М.В., Сметанин С.И. Экономическая история. М.: Издательско-торговая корпорация Дашков и К., 2003 — 488 с
5. Нестеров А.И. Мы – мещанство!?!... (Теория места общества) «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013 — 240 с.

УДК 130.2

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОМ АНАЛИЗЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Пенионжек Евгения Владимировна

Уральский юридический институт МВД России
penionzhec@yandex.ru

TO THE QUESTION ABOUT THE PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF CULTURAL VALUES

Penionzhek Evgeniya Vladimirovna

Ural juridical Institute of MIA of Russia

Аннотация

В статье рассматриваются особенности культуры и бытования культурных ценностей с позиций философского мышления. Анализируется становление культурологического знания. Излагаются аспекты инкультурационных процессов на основании философских размышлений.

Ключевые слова: философия культуры, культурные ценности, инкультурация

Abstract

The article discusses the features of the culture and existence of cultural values from the standpoint of philosophical thinking. Examines the formation of cultural knowledge. Outlines aspects inculturation processes on the basis of philosophical reflection.

Key words: philosophy of culture, cultural values, inculturation

Рассматривая культуру с философских позиций, можно выделить всеобщие элементы в представлении о культуре. Так согласно философии религии утверждается, что культура имеет основание в вероисповедании человека. Философы идеалистической ориентации стремятся найти духовный принцип, выражающий всеобщий смысл культуры. Натуралистическая концепция определения культуры сводится к поиску сущности культуры в природных основаниях жизни человека. Согласно прагматическим концепциям культура выявляет свойства приспособления человека к реальности. Культура с точки зрения семиотического знания понимается в качестве системы знаков и языков. Такое многоплановое видение сути культуры связано с всеобъемлющим ее характером, с многогранностью бытования ценностных установок.

Поиск значимого для человека всегда направлен на отношения прошлого, отношения к образцам человеческих достижений, опосредующих настоящее и будущее. Поэтому культура понимается как проективная реальность, то есть реальность, существующая в качестве значимого образца. Человек руководит своими действиями в соответствии с собственными идеалами ценностного отношения, направленными на понимание им будущего. В настоящем человек переживает обладание значимым для его жизни. Прошлое осознается человеком как его воспоминания.

С древнейших времен человек стремился отыскать ту точку отсчета, которая является началом формирования значимого для него. В период античности основание значимого для человека опиралось на соответствие природе, в Средние века определялось актом творения Богом, в эпоху Нового времени таким «новым» взглядом стало рассмотрение значимого посредством понимания человеческого, нравственного строения действий человека. И. Кант рассматривал значимое, связывая его с особым чувством морального долга. Согласно взглядам философа, значимое становится синонимом личности: в ней противодействуют друг другу польза и выгода, ориентация на идеалы и образцы морального поведения, духовность и эстетическое. Самоопределение личности и создает предпосылки многообразия в развитии культуры, рождает будущее.

В европейской научной мысли XIX века сложилось разделение на два типа знаний: естественно-научные и гуманитарные. Естественные науки изучали природу, опираясь на наблюдение, эксперимент, анализ. Гуманитарные научные отрасли стремились описать и объяснить конкретные факты, связанные с человеком, его субъективностью. Из области гуманитарного знания выделилась философия культуры, культурная антропология и затем теория культуры, впоследствии трансформировавшаяся в культурологию. Вопросами изучения культуры занимаются многие отрасли науки, а именно: философия, история, социология, этнография и другие. Собственно культурологическое знание сформировалось в связи с философским, историческим, социологическим, этническим и антропологическим аспектами.

Впервые слово «культурология» появилось в книге «Первобытная культура» английского этнографа Э. Тайлора в 1871 г. Одну из глав этой книги он назвал «Наука о

культуре», пытаюсь выделить основополагающие ценности и значения, определяющие смысл жизни и событий жизни человека. В 1915 г. увидел свет труд «Система наук» немецкого ученого В. Оствальда, где культурологией называлась наука о цивилизациях. И в 1939 г. английский антрополог Л. Уайт обозначил в качестве изучаемого объекта культурологии явления, имеющие ценностное, символическое значение для людей вне зависимости от той или иной региональной принадлежности. При этом культурология сосредоточена не на описании этих явлений, но на изучении самого механизма образования символической составляющей культурных ценностей. Л. Уайт утверждал, что различные материальные предметы, необходимые человеку для осуществления своей деятельности, приносят некоторый духовный элемент значимости этих вещей для людей, т. е. элемент общечеловеческой значимости культурных ценностей. Именно культурология стремится изучить ценности общечеловеческого порядка в сочетании материального и духовного их компонентов.

Анализируя культуру с позиций философского анализа, необходимо стремится отыскать не только трансцендентное основание значимого для человека, но и его «приземленное» значение, растворяющееся в повседневности человека. Для культурологии важно не истинное свойство значимого, но то, что выступает в виде отношения между мыслимым и действиями человека. Философский анализ культурологических значений играет важную роль, т.к. раскрывает возможности рассмотрения индивидуального опыта человека, где человек осознает наличие связи между значимым и своими потребностями.

Однако потребности могут осознаваться или осознаваться неадекватно, и значимое может не пониматься человеком как значимое для него конкретно, а в другом случае, то, что не представляет собой значимого, человеком может осознаваться как необходимое для его действий. Культурология выделяет своим предметом значимое как то, что обладает положительной значимостью для человечества. Ценности общечеловеческой значимости поддаются научному, объективному и рациональному истолкованию с точки зрения культурологии, т.к. своим существованием подтверждают взаимодействие смысла и цели действий человека, что определяется не интеллектуальным актом, но эмоциональным постижением. И культурология стремится выявить характер существования значимого в той или иной культуре. Например, в культуре Древней Греции таким характерным признается гармоническое проявление всех сторон человеческой жизни, а в культуре Древнего Египта – культ смерти, подготовкой к чему занималась человеческая жизнь.

Культура – объективная реальность существования человека, способ жизнедеятельности людей, входящих в многообразные социокультурные отношения и реализующих себя в них. При этом говорить о «культуре вообще», при всем философском обобщении, не совсем корректно. Человек действует в рамках конкретной социокультурной ситуации, свойственной историческому отрезку времени. Сегодняшний человек также не похож на титана Возрождения, как тот не похож на античного героя. Их отличает не столько расхождение в мировоззренческой позиции, сколько способ осуществления стремления к цели. Римлянин называл варваром всякого, кто не принадлежит гуманистическому обществу граждан Римской империи. Сегодня принцип гуманизма осознается как глубокое уважение к человеку и его достоинству, какой бы национальности он ни принадлежал. Поэтому культура обусловлена общественными отношениями субъекта, вытекающими из факта существования человека и его деятельности, направленной на удовлетворение самых разных его потребностей.

Сегодня мы живем в многокультурном мире: существуют различные культурные образования, которые необходимо взаимодействуют друг с другом, конкурируют, сливаются, распадаются. Всякая часть современного поликультурного пространства развивается благодаря собственному потенциалу, который обусловлен присущими ей особенностями: духовным опытом, ментальным своеобразием носителей и даже локальными климатическими характеристиками. Объяснить тенденции динамики культурных пространств в настоящее время – задача не простая. Поэтому философский анализ

культурологического знания и задает навыки «понимания» ценностных ориентиров разных социальных слоев и групп, формирует культуру личности.

Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, являющихся результатом воспроизводства их человеческой деятельности, где духовное творчество человека, общества, распространяясь по многочисленным каналам социальной и культурной коммуникации, может приобрести общечеловеческую значимость. Особые условия, которых нет в природном мире, формируют специфическую среду существования любого человека и определяют его деятельность. А именно воспроизводство (повторение опыта прошлых поколений) и творчество. Мир человека является пространством особых предметных составляющих, имеющих значение для человека, выражающих сущность тех общественных отношений, в которые входит человек. Ценность – это созданный в рамках культурной деятельности предмет (материальный, духовный, художественный), через который человек реализует свою особую сущность. Попросту говоря, ценность – это то, что имеет значение для человека при совершении того ли иного набора действий. Ценностные установки определяются мотивацией лица, его побуждениями. Так, юристам хорошо известно, что мотив является неотъемлемым признаком состава противоправного деяния. И без мотива доказать причастность лица к совершению правонарушения сложно, потому как ценности являются вектором для любого действия человека.

Ценности не присущи человеку изначально, они возникают в процессе культурной деятельности в течение всей жизни человека. В деятельности человек реализует ценности, исходя из двух сторон культурного процесса. Во-первых, человек воспроизводит те ценности, которые усвоены в результате повторения поведенческих навыков других людей, т.е. копирования образцов поведения, воспринятых как культурная норма. Во-вторых, в своей непосредственной деятельности человек обновляет содержание культурной нормы, наполняя свою деятельность творческими тенденциями. Творческая сторона культурной деятельности всеобъемлюще наполняет жизнь человека. Творчество – это деятельность человека по созданию новых ценностей, вырабатываемая в процессе культурного развития не посредством повторения, но с помощью инновации, обновления ценностей. Сложно представить себе качественную сторону жизни человека, который ориентируется лишь на повторение за окружающими. Такой человек вряд ли способен к полноценной жизни в современном обществе, где ведущую роль играют динамичные процессы обновления содержания культурных ценностей, образующих общекультурное пространство.

Младенец проходит путь от изначального «животного» состояния к культурному поведению, входя в общественные отношения в процессе инкультурации, т.е. процессе воспроизводства ценностей и творческого обновления их содержания. Процессы инкультурации связаны: во-первых, с развитием интеллекта как уровнем работы психики человека, который формируется в процессе обучения речи, счету, чтению, этикетному общению, в процессе образования; во-вторых, с духовным ростом личности, обогащающим опыт человека, как переживанием человеком его отношений с другими людьми, с реальностью, которое вырабатывается под воздействием культуры: в опыте его деятельности, в общении с другими людьми, в ходе освоения культурного наследия, и, в-третьих, со свободой как возможностью действовать в соответствии с внутренними импульсами, что определяется сознательным или интуитивным выбором того или иного действия, за которое человек несет ответственность.

Так философский анализ называет культурой воплощенные в деятельность человека ценности как способ жизнедеятельности человека, который охватывает материально-практическое созидание ценностей, духовное постижение ценностного потенциала и художественно-творческое освоение действительности.

Библиографический список

1. Penionzhek E.V. To the question of specifics of life of culture // E.V. Penionzhek. – Science, Technology and Higher Education: materials of the 2nd international research and practice

conference, Vol. 1, Westwood, April 17th, 2013 / publishing office Accent Graphics communications – Westwood, Canada, 2013. – P. 686–687.

2. Пенионжек Е.В. Культурология: учебное пособие / Е.В. Пенионжек. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2014.

СЕКЦИЯ Анализ и особенности современного культурного процесса

УДК 130.2

ФЕНОМЕН КЛАССИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОКУЛЬТУРЫ

Баркова Элеонора Владilenовна

Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова, г.Москва

barkova3000@yandex.ru

CLASSICS PHENOMENON IN THE THE ECOLOGICAL CULTURE SPACE

Barkova Eleonora Vladilenovna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация

Целевая установка – возрождение статуса классики в пространстве бытия современного человека – исследуется на основе парадигмы экофилософии. Результатом анализа является культурно-онтологическая модель классики как общей культурной формы, восстанавливающей глубину культурного пространства и сохраняющей потенциал бытия человека.

Ключевые слова: культура, классика, экофилософия, ценности, искусство

Abstract Target system of the revival of classics status in the ontological space of modern human is investigated on the Ecophilosophy paradigm basis. The analysis result is a cultural-ontological model of classics as a common cultural form, which restore deep cultural space and preserve the potential of human existence.

Keywords culture, classics, ecophilosophy, values, art

Культурный универсум, все более стремительно изменяющийся в последние годы, радикально трансформирует мировоззренческие установки и философско-культурологическую картину современного мира. Обновление векторов художественной жизни и связанной с ней информации, введение в научный оборот многих новых текстов классиков мировой философии, эстетики и искусствознания XX века - все это на фоне динамики процессов, протекающих в пространстве глобализации, существенно изменяет не только эстетическое восприятие и представления о культурном процессе, но и *бытие человека в целом*. Однако содержание этих трансформаций, благодаря которым произошло расширение границ и горизонтов культуры, требуют сегодня специального исследования с точки зрения культуры, осмысленной в контексте экофилософии и традиций мировой гуманистики. Экофилософия - такой тип мировоззрения и культуры, который открывает возможности оздоровления человека и всего многообразия его связей – культурных, социальных, связей с природой, со свой собственной душой, а значит возрождает его связи с

объективной реальностью и формами ее проявления. Как направление знания, она открывает мир бытия в контексте жизнеутверждения и определения оптимальных условий жизни человека, гармонизируя в нем, в формах его мышления и деятельности космо-ноо-био и культуросферы. А потому и экокουλтура, понятая на этой основе, направлена на выявление потенциала форм человеческой деятельности, необходимых для оздоровления и развития личности, на поиск эколого-ориентированных направлений мироотношения, среди которых классика занимает исходное и основное место. [1, 2]. Однако сегодня культурные процессы и их содержательность отличается противоречивым характером.

Одно из главных противоречий проявляется, в частности, в том, что центральный элемент культуры – искусство и принципы его обоснования, которые традиционно были призваны «очеловечивать человека», гуманизировать его природу, все чаще становятся проводниками простейших форм технологизации и коммерциализации жизни. Искусство при этом утрачивает свою самодостаточность и автономность, поскольку его язык и воздействие оказываются перехваченными овеществленной техносредой. А эстетическое пространство в силу диспропорций в развитии высокой (элитарно-профессиональной и народной) культуры и культуры кичево-массовой становится на наших глазах все более «мелким» и плоским.

Это во многом объясняет причины свертывания представлений об элите и элитарной культуре как носителей высоких ценностей и идеалов, ответственных за судьбу всего подлинного в искусстве и жизни, и, напротив, утверждение в новых элитах стереотипов массы и ее культуры с правом на пошлость и тиражированием пошлости как права. А.П.Люсый, исследуя концепцию К.Лэша, справедливо заметил: в современной социальной структуре «элиты озабочены не столько руководящей и направляющей ролью, сколько ускользанием от общей судьбы... При этом вероятность того, что элиты будут пользоваться своей властью безответственно, лишь усиливается» [3, с. 4], ибо они и сегодня немного обязанностей признают перед великими предшественниками.

В этих условиях бытие классики как недостижимого образца и идеала искусства и ее место в перспективе развития культуры предстает все более проблематичным, а «новое понимание классики открывает возможность для отказа от поисков концептуальной целостности и связности классики». [4, с.20]. Уже сегодня ее социальный статус стремительно падает. Следствием этого оказывается ситуация, при которой она существует, но существует как изолированный «островок духовности» в информационном универсуме и пространстве массовой культуры. Неудивительно поэтому, что носители высоких традиций художественной культуры все больше выглядят как реликты – странные и экзотические.

В такой ситуации представляется исключительно важным поставить вопрос о *глубине как необходимом и реальном – а не метафорическом – измерении эстетического и культурного пространства* современного мира. Его решение представляется возможным на основе *экокультурной картины мира*, логика которой связана с движением мысли от приоритетов инноваций в сфере технологий к приоритетам преобразования Человека и Культуры.

Пока, однако, эта проблема остается за границами интересов большей части эстетико-культурологических и философских исследований. Абсолютное, вечное, высокое начало искусства и самой жизни исключены релятивистско-игровыми установками из сферы эстетической и культурологической мысли, и это – что симптоматично - не вызывает тревоги в сообществе эстетиков и представителей гуманитарного знания.

Между тем, классика всегда была и остается необходимым условием существования глубины культуры. Конечно, «надо радоваться, - справедливо замечает В.А.Кутырев, - что философы и гуманитарии тоже участвуют в информатизации и компьютеризации окружающей среды, но печалит, что при этом они плохо выполняют свою главную роль – осуществление рефлексии происходящих процессов, показу их значения для судеб мира и человека. Их (не)осмысление оставлено журналистам, фантастам и прогрессивным обывателям». [5, с. 79].

Нельзя не видеть, что введение в обиход информационно-телекоммуникационных

технологий привело к изменению всей культурно-ресурсной базы общества, многократному увеличению скорости протекания всех социальных и культурных процессов. На наших глазах модерн оказался реликтом, сметенным постмодерном, а тот, в свою очередь, уходит в небытие, рождая еще неясные очертания нового проекта, в центре которого специфика существования уже совсем не структурированного – даже языковыми практиками – субъекта в новом пространстве искусственной среды. Он уже заместил любые социальные нормы, границы и приоритеты исключительно предпочтениями массовой культуры. Вследствие этого формы идентификации в культурном пространстве осуществляются все чаще на основе произвольной трактовки знаков, не обладающих никакой ценностью, кроме ситуативно и индивидуально воспринятых своих потребностей. Могут ли в таких условиях выжить гиганты культуры и идеалы искусства, удерживающие органичную связь вечного и преходящего, бесконечного и конечного? И не стоит ли за такой постановкой проблемы обычная ностальгия, сопровождающая смену парадигм, эстетических канонов и художественных форм?

Ситуация последних лет, как представляется, отличается существенной особенностью. Новизну ее содержания зафиксировал и замечательно исследовал У.Эко в работах последних лет, изданных с характерным названием «Полный назад!». Смысл этой новизны заключен в вопросе - «при такой оргиастической толерантности, в таком абсолютном и неограниченном многобожии сохранится ли хоть какая-то линия водораздела, хоть какая-то мембрана между миром отцов и миром детей? Граница, которая *необходима* (подч мной – Э.Б.) и детям, - чтоб они могли совершить... отцеубийство в ознаменование бунта и почтения, и отцам». [6, с. 568]. Однако, раньше, бунт молодых был формой *естественного* протеста против уходящего, отжившего свое время искусства, против застывших и омертвевших норм жизни. И то, что приходило на смену понимавшемуся как высокое, или элитарное в культуре, представлялось низким, безвкусным, второсортным. Сегодня новации почти исключительно связаны с компьютером, но «первый компьютер, замечает У.Эко, - в семью, как правило, приносил отец». [там же, с. 568].

Эстетические формы современного протестного молодежного движения и эпатажа, которые характеризуют язык, формы поведения молодежи, имеют одну особенность: «большинство этих новаций технологичны. Они вырабатываются транснациональным и корпорациями (которыми обычно руководят пожилые люди) и маркетируются так, чтобы разжигать аппетит людей молодых». [там же, с. 569]. И «не в том дело, что отсутствует замещение моделей, - просто замещение проходит ускоренным порядком. ... Если поначалу какая-нибудь молодежная хреновина (кроссовки «Найки», серьга в ухе) и оскорбляет эстетический вкус поколения отцов, она столь незамедлительно внедряется в сознание, благодаря информационной бомбардировке, что почти сразу же становится приемлемой и принятой даже пожилыми членами общества» [там же, с. 570]. В этой ситуации «возникает риск для всех», без наималейшей чьей бы то ни было вины, что непрерывные инновации приведут одних *карликов на плечи к другим карликам*» [там же, с.571]. А великаны, гиганты - вымрут? Возможно ли человеческое общество без гениев-«великанов»?

Понятна и не случайна, ибо исторически оправдана, надежда У.Эко, для которой пока не видно оснований – «верю: из потемок уже бредут незнакомые гиганты, готовые сесть плотно нам с вами, карликам, на плечи». [там же, с. 573]. Но к этой встрече нам, «карликам» следует готовить почву – формировать установку на узнавание именно высокого, полноценного искусства, захватывающего дух, а не щекочущего нервы мещанина. Высокое, великое необходимо, и у У.Эко, безусловно, в этом сомнения нет.

В связи с этим возникает проблема: как возможно в наше время обеспечение классикой на основе глубины экоккультурного пространства ее гуманистической социально-воспроизводственной, «человекообразующие» функции? Заметим, сегодня ряд исследователей, отмечая кризис социокультурной жизни, связывают его с утратой высокого начала, высших ценностей бытия, в силу чего общество не может выполнять свои важнейшие функции. Так, - отмечает В.Н.Иванов, - «все возрастающие темпы производства энергии

никак не соотносятся с *высшими ценностями и смыслом человеческого существования*, (подч. мной – Э.Б.) наоборот, все в большей мере вступают в противоречие с ними и грозят человечеству необратимыми последствиями.... Сегодня главным условием выживания мира является ускорение темпов социального прогресса, повышение его социальной зрелости, включение коллективного разума, инновационных ресурсов регулирования социального пространства». [7, с.10].

Уже это обстоятельство указывает на реальную потребность в сохранении и развитии не любых, а именно высших ценностей. Иначе говоря, между состоянием устойчивого развития социума и статусом высокого начала в жизни и классической культуры с ее нормами и требованиями к воспринимающему ее человеку существует органичная и существенная связь. Классика оказывается не случайной для воспроизводства полноты и бытия целостности культуры. А раз так, то и в структуре современного общества могут быть открыты и исследованы (а не придуманы) новые формы этой связи. В чем же основания для надежды на сохранение классического искусства в структуре современного информационного пространства?

Обратим внимание, в этой связи, прежде всего, на субстанциальную обособленность классики в социальном и культурном пространстве как особой *человекообразующей нормы*. Она всегда самодостаточна, поскольку моделирует целостность культуры и общества, создавая формы, в которых человеческие отношения выявляют свой конкретно-исторический предел. Можно сказать, поэтому, что классика представляет собой особое идеальное метапространство, задающее нормативно-ценностные установки и целевую направленность всей общественной жизни. В этом – одно из проявлений ее глубины. В силу этого статус классики в современном культурном пространстве оказывается двойственным: она включена внутрь культурного пространства и одновременно всегда выходит за его границы. Но потому и место классики оказывается здесь неопределенным, что и подтверждается реалиями современности.

Возникает характерная антиномия: классика уже сегодня и существует и не существует. Как реальность, проявляющаяся в процессах трансцендирования и фиксирующая реально несуществующие феномены – идеалы, образы, ценности, она в современное социальное пространство «не помещается». Действительно, если учесть, что пространство современной культуры наполнено почти исключительно инструментальными формами и отношениями и реалиями настоящего времени, то трансцендентные сущности здесь и должны казаться бесполезными и бессмысленными. Там, где публика ориентирована на матрицу «здесь и теперь», интересуется лишь результатами действия и рационально выверенными средствами его достижения, все развитие культуры происходит лишь в пространстве определенно заданных программ, технологий и стратегий. Ясно, что результатом этого становится одномерный, или частичный человек, которому комфортно существовать в таких рамках, превращаясь в проводника информационных процессов, смысл которых до него часто не доходит и не представляет интереса. Такому человеку не нужна классика и глубокие переживания. Однако такая культура оказывается незавершенной, недостроенной: она не может восстановить полноту бытия человека как субъекта. Культурное пространство, таким образом, должно из технически-инструментального стать человекообразующим. Возможно ли это?

Думаю, возможность роли классики в этом смысле выражается в превращении информационно-технологических характеристик человека и общества в гуманистически и ценностно ориентированные. Уже само совершенство художественной формы связано с нераскрытой пока тайной - возможностью классики «очеловечивать человека». «Делание классики обращено к устранению помех, препятствующих нам слышать музыку сфер, к выявлению порядка, внесению гармонии в мир... Классическая мера – отнесенность к миру как целому». [8, с. 274]. Это значит, что внутри современного культурного пространства сохраняется потребность в «человекообразующем центре», в связи сакрального и профанного, целостности-тотальности и частичности-единичности, свободой и

нормативностью. Если так, то классика, составляющая основу целостности и реальной высоты культуры, открывает здесь свою социально-воспроизводственную функцию.

Традиционно считалось, что классика выполняет функции познания, воспитания, трансляции связи поколений, коммуникации и общения, она обеспечивает непрерывность духовного опыта, учит ориентироваться в мире ценностей. Но в этом смысле ее воздействие оказывается скорее социально-психологическим и регулятивным, чем *онтологическим*. Однако поскольку она живет до сих пор как одно из востребованных проявлений социального бытия, то, по-видимому, она необходима не только в этих качествах, но, прежде всего, в более общем – онтологическом и духовно-воспроизводственном плане.

Отсюда следует, что и в современном пространстве должен существовать способ развертывания классики. И таким способом, по моему мнению, являются межкультурные коммуникации, осмысленные в контексте экологии культуры, благодаря которым публика включает в свое мышление, поведение и отношения трансцендентные смыслы, которые она осваивает через язык классики. [9, 10, 11]. Коммуникация при этом важна для того, чтобы само трансцендентное приобрело социальный статус, стало основой порождения норм и традиций, моральных правил и условий общения людей. [12, 13]. Поэтому межкультурные коммуникации выступают как особая форма социализации классики – нахождения той меры, в рамках которой трансцендентное пространство может быть сегодня реально освоено [14].

Вот почему так важно вернуть высокому – и в этом смысле элитарному – началу его место в современном пространстве культуры. В чем же состоит роль и место классики? Во-первых, она формирует те цели и идеалы, в направлении которых должен развиваться человек. Именно эти идеалы будущего не только проясняют смысл настоящего в существовании человека, но и фиксируют деструкции и издержки, которые при этом возникают. Во-вторых, классика позволяет отделить субъективность, духовность, свободу от унифицированно-овеществленной среды. Если этого нет, происходит подмена роли человека как субъекта безликими информационно-массовыми потоками. Растворенный в таких потоках человек превращается лишь в некое чувствующее тело. В-третьих, сохранение высокого смысла классики позволяет трактовать структуры повседневности и человеческие отношения в контексте высоких смыслов в отличие от того, как это принято в последнее время в массовой культуре и социологии.

Таким образом, классика, осмысляемая в контексте экокультуры, – не только часть эстетического и художественного пространства, но важное проявление социокультурного бытия, его необходимое человеко-созидающее основание, которое регулирует духовно-культурный процесс как целое.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. К возрождению человеческого измерения в современной философии // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 1 (42). С. 245-249.
2. Баркова Э.В. Экофилософия в поисках оснований теории природно-культурного наследия // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 4 (8). С. 3-8.
3. Люсий А.П. Тексты восстания и ускользания // НГ- ЕХ. 2007. № 17. 24 мая
4. Савельева И.М., Полетаев А.В. Классическое наследие. – М.: Издательский дом Гос. ун-та – Вашей школы экономики, 2010. – 336с.
5. Кутырев В.А. Крик о небытии. // Вопросы философии. 2007. № 2
6. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. – М.: Эксмо, 2007
7. Иванов В.Н. Социальные технологии в современном мире. – М.: Славянский диалог, 1996.
8. Михайлова М.В. Эстетика классического текста. – СПб.: Алетейя, 2012. – 296с.
9. Бузская О.М. Современные социокультурные коммуникации: эколого-аксиологическое измерение : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Москва, 2014

10. Бузская О.М. Экологическая безопасность как критерий развития межкультурных коммуникаций // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. № 1-2 (11). С. 5-12.
11. Ивлева М.И. Информационно-экологические ориентиры в концепции «трансубъективного» (на примере философии С.А. Аскольдова) // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 89-92.
12. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994
13. Познизовкина И.Ф. Современный образовательный процесс: по пути ли будущему экономисту с философией // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 1. С. 35-43.
14. Познизовкина И.Ф. Ещё раз об экологии// Вестник Российского философского общества. 2009. № 1. С. 128.

УДК 141

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИИ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЙ

Бузская Ольга Маратовна

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва

olga.buzskaya@yandex.ru

HUMANITARIAN EXPERTISE AS THE TECHNOLOGY OF THE BUSINESS ECOLOGY DEVELOPMENT

Buzskaya Olga Maratovna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Аннотация

Развитие современного бизнеса во многом определяется адекватностью для его целей и задач существующих в нем системы коммуникации. Экология бизнеса будет способствовать качественному развитию глобального экономического пространства и достижения стратегий устойчивого развития. Одним из способов формирования экологии коммуникаций в экономическом пространстве является гуманитарная экспертиза. Рассмотрены наиболее продуктивные элементы гуманитарной экспертизы – социально-гуманитарная диагностика и стратегическое целеполагающее планирование.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, экология бизнеса, экология коммуникаций, человек, общество, будущее.

Abstract

The development of modern business is determined by the adequacy of its existing communication system. Business Ecology will contribute to the qualitative development of the global economic space and sustainable development strategies. One of the means of forming communicative ecology in the economic space is the human expertise. The most productive elements of humanitarian expertise are socio-humanitarian diagnosis and strategic purposeful planning.

Keywords: human expertise, business ecology, ecology of communication, people, society, future.

Сегодня является теоретически и практически доказанным положение, что успешное развитие бизнеса во многом опирается на эффективно выстроенные коммуникации,

адекватность которых целям и задачам бизнеса в настоящее время приобретают все большее значение: именно их содержание, качественные показатели, формируемые оценки и ценности определяют успешность рыночных позиций различных фирм и компаний, определенным образом воздействуя также на бытие современного человека и глобального сообщества. Однако, сегодня вектор развития их содержания во многом смещается в сторону технологического прогресса, оставляя человеческое измерение без должного внимания и приоритетного положения. Этот феномен принижает все уровни социальных коммуникаций, включая и уровень экономического пространства.

Успешный бизнес, как показывает развитие корпоративизма, нуждается в расширении своей гуманитарно-человеческой составляющей. Однако, рассматривая гуманитарное измерение современной экономики, как на локальном уровне, так и на глобальном, можно выделить крайне противоречивые тенденции. С одной стороны, благодаря развитию технологий и системы глобальных технических коммуникаций, расширяются возможности для реализации плодотворных экономических взаимодействий, развития международных бизнес-проектов, создания экономически устойчивой среды в глобальном пространстве. Но, с другой стороны, глубинное измерение социальных коммуникаций в экономике, особенно в бизнес-среде, характеризуется падением уровня качественных гуманитарных и социальных ориентаций.

В результате происходит подмена гуманитарных, этических, экологических ценностей на количественные показатели, не связанные с человеком, жизнью общества и окружающей среды. В экономическом пространстве это выражается в стратегиях предельного снижения издержек, в том числе на человечески труд, за счет качества продукта с целью устоять и выиграть конкурентную гонку.

На уровне отдельного предприятия это дает значительные преимущества в краткосрочной перспективе. Однако, рассматривая глобальную экономику в целом, можно сказать, что именно характер коммуникаций внутри бизнеса – его гуманитарно-экологический аспект - явился важным источником тех глобальных проблем, с которыми сталкивается современная цивилизация. Это выражается в дефиците эффективных очистных систем, загрязнении мирового океана, почв, вырубки тысяч гектаров лесов и т.д. Все это является следствием стремления к сверхприбыли за счет качественного состояния окружающей среды. Первопричина – отсутствие моральных и экологических барьеров в содержании бизнес-коммуникаций, т.е. отсутствие механизма социальной мембраны.

Очевидно, что данная проблема требует адекватных механизмов своего регулирования. И среди них важную роль - как один из наиболее перспективных направлений выхода из сложившейся ситуации – играет гуманитарная экспертиза, которая представляет собой технологию мониторинга и оценки возможных рисков нововведений, в том числе социально- и гуманитарно-технологических, с целью создания и сохранения устойчивого био-социального равновесия, а также для формирования адекватного эколого-коммуникативного сознания социума или отдельной социальной группы.

В исследовании гуманитарной экспертизы выделяются два ее главных аспекта: экологическая безопасность, понимаемая в самом широком смысле как составной компонент устойчивого био-социального равновесия, и формирование эколого-культурных ценностей в коммуникативных процессах. То есть, речь идет, главным образом, о расширении собственно человеческого измерения в коммуникациях и его содержательно качественном развитии.

Сегодня тема гуманитарной экспертизы активно исследуется в литературе. Так, Г.Л. Тульчинский выделяет следующие особенности гуманитарной экспертизы: нормативно-ценностное содержание; персонологический характер; ориентация на обеспечение баланса интересов и консолидации общества; ориентация на обеспечение возможности социально ответственного личностного выбора (самоопределения); комплексность и междисциплинарность; обеспечение аргументативности вероятностно-интерпретативными средствами. [9]

Исследование структуры гуманитарной экспертизы показывает, что здесь на передний

план выходит проблема обеспечения безопасности экосоциального пространства. Категория «безопасности» является одной из главных для современного бизнеса и экономической системы в целом. Здесь имеется ввиду не только ее буквальный смысл, связанный с обеспечением безопасных условий труда, снижение уровня загрязнений окружающей среды и т.п., но и гуманитарно-коммуникативный аспект, выражающийся в комплексно-мировоззренческом подходе при принятии решений руководителями, мотивацией сотрудников, качеством их отношения друг к другу, к собственной работе, к менеджменту, клиентам – и т.д. То есть гуманитарная экспертиза позволяет вывить опасные деструкции в бизнес-коммуникациях и создать систему их преодоления, что необходимо для обеспечения наиболее комфортного и ценностно-оправданного поведения.

«Гуманитарная экспертиза позволяет не только оценить опасности конфликтов, но и создать основу согласования интересов - не в политической и экономической сферах, а их предпосылке - сфере представлений о жизненных целях и критериях. Только учет таких долговременных и интегративных целей позволяет консолидировать общество, разрешать социальные конфликты (в том числе - застарелые), обеспечить профилактику экстремизма.» [9]

В аспекте национальной безопасности значение гуманитарной экспертизы также оценивает А.У. Хараш. Согласно его концепции, целью гуманитарной экспертизы является обобщенная оценка последствий, которые могут оказывать на человека, социальную группу или общество определенные события, имеющие место в разные промежутки времени, в том числе – в будущем. Он также отмечает, что «объективная необходимость в гуманитарной экспертизе возникает всякий раз, когда человек и социальные институты, ответственные за его жизнеобеспечение, сталкиваются с проблемной (критической) ситуацией, с дилеммой, неразрешимой прежними (стандартными) средствами, с одной стороны, а с другой – когда цена принимаемого решения особенно велика (как для экономической и политической системы, так и для человеческой жизни, вверенной ее попечению)». [10]. Иначе говоря, согласно этому подходу, гуманитарная экспертиза служит созданию альтернативных вариантов выхода из кризисной ситуации, как правило, нестандартными средствами – т.к. стандартные себя исчерпывают в существующих непродуктивных моделях.

Более конкретное рассмотрение гуманитарной экспертизы требует выявления и анализа ее основных функций – диагностической, прогностической, целеполагающей и рекомендательной.

Диагностическая функция направлена на анализ социально-гуманитарной среды и выявлении в ней деструктивных элементов.

Прогностическая функция выявляет наиболее вероятные сценарии, тренды развития существующих особенностей среды. Причем применяется при этом поливариативный подход, оценивающий будущее с различных позиций и условий.

Целеполагающая функция предполагает создание идеальной модели, в рамках которой данная среда будет развиваться оптимально и наиболее продуктивно.

Наконец, рекомендательная функция направлена на формирование тактики достижения намеченных целевых стратегий.

Стоит отметить, что планирование гуманитарной экспертизы исходит из позиции будущего, применяя стратегию «от желаемого», нежели - «от действительного». Это означает, что технология планирования задает в своих установках желаемый образ будущего, а не решает исключительно текущие проблемы, ожидая наплыва все новых и двигаясь в неизвестном стихийном направлении.

Таким образом, гуманитарная экспертиза является одной из перспективных технологий для формирования экологии бизнеса. Она позволяет моделировать внутреннее измерение коммуникаций, закладывая в него определенные ценности. Применяя к существующим проблемам экономической системы эколого-коммуникативный подход, формируются целеполагающие установки устойчивого развития будущего, его безопасности и гармонии.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2003
2. Баркова Э.В. Философия диалога культур как форма надежды на сохранение мира. В сборнике: Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. Москва, 2015. С. 103-115.
3. Бузская О.М. Культурный мост «Россия - Ирландия» в современном мире // Человеческий капитал. 2014. № 10 (70). С. 46-49.
4. Бузская О.М. Экологическая безопасность как критерий развития межкультурных коммуникаций // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. № 1-2 (11). С. 5-12.
5. Ивлева М.И. Концепция онтологического статуса субъекта в университетской философии в России в конце XIX - начале XX в. // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 8. С. 28-35.
6. Ивлева М.И. Философская школа Юрьевского университета и ее место в российской философской культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 4. С. 35-40
7. Понизовкина И.Ф. Ещё раз об экологии // Вестник Российского философского общества. 2009. № 1. С. 128.
8. Понизовкина И.Ф. Иллюзорное сознание и общество. Монография / Понизовкина Ирина Федоровна ; Московская междунар. высш. школа бизнеса "МИРБИС" (ин-т). Москва, 2012.
9. Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технологи // <http://hpsy.ru/public/x2871.htm>
10. Хараш А.У. Гуманитарная экспертиза в экстремальных ситуациях: идеология, методология, процедура // Психология в вузе : научно-методический журнал. 2014. – №1. – С. 53-85.

СЕКЦИЯ Кинокультура и визуальная культура

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ» В АСПЕКТЕ ДЕЯТЕЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ И НОРМАТИВНОСТИ

Дзюба Дарья Николаевна

Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГУ), г. Киров
adminprog@rambler.ru

ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «VIRTUAL MUSEUM» IN ASPECTS OF THE ACTIVITY VARIABILITY AND OF NORMATIVITY

Dzyuba Darya Nikolaevna

Vyatka State Humanities University, Kirov

Аннотация

Сложность определения термина «виртуальный музей», подтверждает гипотезу о том, что виртуальный музей – это качественно новая культурная форма. Термин «виртуальный музей» многозначен. Понятие новое, обозначающее новый культурный феномен.

Ключевые слова: виртуальный музей, виртуальность, цифровые технологии,

Интернет.

Abstract

The complexity of the definition of "virtual museum", confirms the hypothesis that the virtual museum - is essentially a new cultural form. The term "virtual museum" has many meanings . A new concept, signifying a new cultural phenomenon.

Key words: virtual museum, virtual, digital technologies, Internet.

Как в профессиональном сетевом сообществе, имеющем дело с компьютерными моделями пространства, со сконструированным миром, обладающим своими законами, так и в повседневном общении понятие «виртуальный» нередко используется в значении «вымышленный», «несуществующий в действительности». Именно в этом значении оно появилось и использовалось в разных социокультурных контекстах. В частности, в психологии – это «виртуальная деятельность» у А. Бергсона и «виртуальные способности» у Леонтьева А.Н., в искусстве – «виртуальный театр» у Арто А., в квантовой физике – виртуальные частицы, в теории управления – виртуальный офис, виртуальный менеджмент и т.п.

Наряду с прямо используемым понятием «виртуальная реальность» в современном знании применяются и другие понятия, близкие по смыслу, как, например, символический капитал (П. Бурдьё), гиперреальность (Ж. Бодрийяр) и спектакль, игра (Э. Ги Дебор, С. Лэш).

К середине 1990-х годов научное сообщество пришло к убеждению, что истинная функция «виртуальная реальность» – это имитация реального мира с помощью независимых математических форм, которые допускали интерпретацию определенных аспектов [13].

Переход от «искусственной реальности» к «виртуальной реальности» показывает переход от одной реальности, которая, вместо мира, должна была быть абсолютно иммерсивной к «гипердействительности». Виртуальная реальность является техникой для интерактивной имитации реальности.

Это создает виртуальные модели, которые должны быть поняты и проанализированы динамически, то есть, посредством преобразования модели в ответ на представленные данные [11]. Даже выбор между погружением и дополненной реальностью обеспечивает виртуальный введение лучший подход для понимания данного процесса.

Термин виртуальность повсеместно употребляется и обладает смысловой полифонией. В научной литературе встречаются выражения виртуальная коммуникация, человек виртуальный, виртуальная образовательная среда, виртуальное общение, виртуальная культура, виртуальная организация, виртуальное предприятие, виртуальная реальность, виртуальные группы, виртуальные следы, виртуальная экономика, виртуальная мобильность, виртуальный дискурс.

Историческая этимология слова «виртуальный» изучена достаточно хорошо и представлена в целом ряде работ. Так или иначе, сегодня под словом «виртуальный» обычно подразумевают некоторые искусственные построения, чаще всего сделанные с помощью компьютера, которые некоторым образом обманывают, имитируют реальность или замещают ее.

Коротков Н.А. отмечает, что термин виртуальность в Древнем мире встречается, например, у Цицерона. В Средние века и в эпоху Возрождения термины виртуальный и виртуальность используют Фома Аквинский, Сигер Брабантский, Дуне Скот, Николай Кузанский. Из наиболее авторитетных философов Нового времени их употреблял Г.Лейбниц и Г.Гегель. В начале XX века в марксистском общественном знании они использовались Б.Бороховым [6].

В Новое и Новейшее время в науке и технике использовались и используются такие понятия, как виртуальные скорости, виртуальные состояния, виртуальный катод, виртуальный измерительный прибор, виртуальная длина пути, виртуальный эталон и др.

Асадулин А.Ф. пишет, что на данный момент в отечественной философии существуют

три направления развития идеи виртуальности. Первое понимание виртуальности разрабатывается в трудах Носова Н.А. и исследовательской группы Центра Виртуалистики Института человека РАН: «Виртуалистика не является научной дисциплиной, а есть парадигмальный подход, в рамках которого виртуальные реальности рассматриваются как реалии, обладающие онтологическим статусом существования» [2].

Второе направление противопоставляет «виртуальное» «реальному», понимая виртуальность как возможное, потенциальное, умозраительное замещение реальных объектов их образами — симуляциями и т.д. (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж.Ф. Лиотар, И.Г.Корсунцев).

Третье направление - «киберпейс» понимает виртуальность как киберпространство, продукт компьютерной индустрии.

В экономических науках под виртуальным предприятием (от англ. virtual corporation) понимают предприятие, состоящее из сообщества географически разделенных экономических субъектов, которые взаимодействуют в процессе производства, используя преимущественно электронные средства коммуникаций. В отличие от традиционных, виртуальные предприятия свободны в формировании и реорганизации своей структуры и подборе участников [8].

С позиций эстетики и искусствоведения термин виртуальный часто используют, чтобы охарактеризовать новую технику экранных искусств, компьютерную анимацию или виртуальное искусство.

Зачастую слово виртуальный используется как синоним слова интернет: виртуальный дискурс или интернет–дискурс. Термин виртуальный музей и термин интернет–музей употребляется для обозначения одного и того же культурного феномена.

В объекте исследования «виртуальный музей», где слово «виртуальный» используется в значении электронной реальности, созданной техническими средствами. В данном выражении виртуальные, компьютерные, мультимедийные, цифровые, электронные музеи, веб–музеи, гипермузеи, кибермузеи, интернет–музеи и музеи онлайн употребляются как синонимы.

Зарубежные эксперты полагают, что определяющим фактором для понятия «виртуальный музей» является присутствие музейной коллекции в Интернете в свободном доступе, когда её легко может увидеть пользователь, применяющий среднестатистические компьютерные средства. Так, по мнению Д. Боуэна «экспозиция не должна требовать для просмотра программы, слишком сложные или находящиеся в ограниченном доступе» [12].

В виртуальном музее могут быть представленные материалы из самых различных областей: от предметов искусства и исторических артефактов до виртуальных коллекций и фамильных реликвий. Виртуальные музеи представляют собой удачный пример применения Интернет–технологий для решения проблем хранения, безопасности и широкого, быстрого и легкого доступа к экспонатам.

В России существует несколько подходов к определению понятия «виртуальный музей».

Смирнова Т. отмечает: «Несмотря на прочное утверждение понятия в повседневной лексике, однозначного определения термина «виртуальный музей» на сегодняшний день не существует. По мере развития информационных технологий понятие будет совершенствоваться и изменяться» [5, с.25].

Существует так же мнение, что цифровые музеи – это просто информационные сайты разной степени сложности при обычных музеях, где содержится контактная информация, расписание выставок и представлены фотографии экспонатов. С такой точки зрения «виртуальный музей» – это виртуальный вариант обычного музея, и подобный интернет–дублёр служит рекламой традиционным музеям, помогая разрешить проблему увеличения посещаемости и публичного показа запасников.

В публикациях российских исследователей, например, Розиной И.В.[10], Самаковской О.В. [3, с.3], виртуальные музеи рассматриваются, прежде всего, как виртуальные представительства в Интернете реальных музеев. Они обеспечивают непрерывный доступ к

информации независимо от местонахождения пользователей и времени их обращения к музейному информационному ресурсу.

По мнению Смирновой Т., «в широком смысле под виртуальным музеем мы подразумеваем музей, не существующий в реальном пространстве». В узком смысле, «можно определить виртуальный музей как информационный ресурс, созданный средствами компьютерных технологий и представляющий в виртуальном пространстве цифровые версии объектов материального и нематериального наследия» [5, с.25].

С точки зрения Лебедева А.В., «есть только два правильных варианта использования термина «виртуальный музей»:

Первый – это сайт, сделанный по законам музейного проектирования, то есть, когда имеется сконструированное пространство, в котором размещены изображения музейных экспонатов. Таков, например, «Виртуальный музей русского примитива».

Второй вариант – это реальное пространство, в котором размещены электронные изображения музейных предметов. По такому принципу сделан музей Ван Гога в Овере, где нет подлинных произведений живописца – они только проецируются» [1, с.77].

Вероятно, толкование термина виртуальный музей как реального музея, в котором размещены виртуальные экспонаты, связано ещё и с рассуждением по аналогии: зоологический музей – зоологические экспонаты, палеонтологический музей — палеонтологические экспонаты и т.д. Такой подход достаточно широко распространён. Пространство, в котором размещены электронные изображения музейных предметов, часто называют «мультимедийным музеем».

Несговорова Г.П. полагает, что в современном Интернете существуют два типа музейных сайтов, которые делятся на 1) представительства реально существующих музеев и 2) собственно виртуальные музеи, однако они называются все они пока одинаково: виртуальные музеи [9].

Ряд авторов относят словосочетание «виртуальный музей» к форме публикации в сети Интернет [7, с.22].

Словарь актуальных музейных терминов определяет «виртуальный музей» следующим образом.

1) созданная с помощью компьютерных технологий модель придуманного музея, существующего исключительно в виртуальном пространстве. Воспроизводит некоторые составляющие реального музея: каталоги «коллекций», «экспозицию» и т. п. Как правило, отличается возможностью обратной связи с посетителями сайта, наличием трехмерных «виртуальных экспозиций», дающих возможность виртуального путешествия по «экспозиции».

2) электронные публикации объединенных по тематическому, региональному, проблемному или иному принципу подборок артефактов, в действительности находящихся в разных местах и не составляющих коллекций. На бытовом уровне нередко называют сайт реально существующего музея»[4, с.49].

Однако, значение термина виртуальный музей заметно шире значений входящих в него слов виртуальный и музей. Виртуальный музей – многозначное понятие.

Во всех своих формах и видах музеи-онлайн представляют собой самостоятельное, ранее не известное, явление культуры, обязанное своему появлению информационным технологиям. Цифровые музеи обладают духовным и экономическим потенциалом, однако, это явление в российском обществе недооценивается. С одной стороны, с помощью кибермузеев можно с гораздо большей эффективностью достичь целей, обычно стоящих перед «реальными» музеями, с другой – музеи онлайн – это недавно появившаяся культурная форма со своими пока не изученными особенностями и функциями.

Подводя итог, можно сказать, что виртуальные музеи – продукты компьютерной индустрии, осуществляющие бесплатный массовый доступ к культурному наследию. Помимо того, что с помощью таких сайтов можно с гораздо большей эффективностью достичь целей, обычно стоящих перед традиционными музеями, – виртуальный музей –

еще и самостоятельное культурное явление, появившееся благодаря информационным технологиям, новая культурная форма со своими особенностями и перспективными функциями.

Библиографический список

1. Лебедев А.В. Виртуализация музея или новая предметность. – М., 2009. – С. 256.
2. Носов Н. А. Словарь виртуальных терминов // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 7.– М.: Путь,2000. –69 с.
3. Самаковская О.В. Виртуальная репрезентация музея в региональной культуре (на примере этнографических музеев в Сибири). – LAP LAMBERT Academic Publishing Germany, 2012. – 264 с.
4. Словарь актуальных музейных терминов//Музей. –№5. –2009. – С.68
5. Смирнова, Т. Виртуальный музей в современном культурно–информационном пространстве/ Т.Смирнова // Музей. – 2010. – №8. – С.24-26.
6. Кротков Н.А.Феномен виртуальной реальности как объект научного анализа и философской рефлексии : дисс. ... канд. философских наук. – Санкт-Петербург, 2010. — С. 154
7. Черненко В. Музей или интернет–публикация?// Музей. – 2010. – №8. –С. 22-23.
8. Виртуальное предприятие: словарь электронной коммерции. –Кафедра электронной коммерции ПГУТИ. – 2009 [Электронный ресурс].дата обновления: 16.10.2011. — URL: <http://elcom.psuti.ru/content/dictionary/detail.php?ID=454&term=Виртуальное%20предприятия.e.htm> (дата обращения 23.07.2015)
9. Несговорова, Г.П. Обзор виртуальных музеев в сети Интернет/Г.П. Несговорова// ИСИ СО РАН. [1999 2012]. Систем.требования: Adobe Reader. URL:<http://www.iis.nsk.su/files/articles/sborkas12nesgovorova.pdf> (дата обращения: 01.06.2015)
10. Розина, И.В. Информационные виртуальные ресурсы: доступ к культурному наследию – 2011 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 16.10.2011. — URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-258124.html> (дата обращения 12.03.2015)
11. Barcelo, J.A. Virtual reality for archaeological explanation. Beyond picturesque reconstruction// Archeologia e Calcolatori. Iss. 12, – 2010– pp. 221-244.
12. Bowen J. A Brief History of Early Museums Online// The Rutherford Journal. – Volume 3. – 2010; URL: <http://www.rutherfordjournal.org/article030103.html> (дата обращения 18.01.2016)
13. Gillings, M.; Goodrick, G. (1996, autumn). «Sensuous and reflexive GIS. Exploring visualisation and VRML». Internet Archaeology [online article]. Iss. 1. <http://intarch.ac.uk/journal/issue1/gillings_toc.html. (дата обращения: 15.12.2015).

Электронное научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ

Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции

25 февраля 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN: 978-5-00-005580-2

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3.3. Тираж 500 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова
Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул.
Бекетова 53.